

Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви

Михаэль Фолькман (составитель)

Оглавление

Вместо предисловия: Ойген Шмид. Петрозаводск. Сближение

Вместо введения: Михаэль Фолькман. Недалеко ты от Царства Божия

Данкварт-Пауль Целлер. Как все начиналось

Дмитрий Цвибель. Атмосфера любви

Дмитрий Цвибель. Горький дым холокоста

Михаэль Фолькман. Хроника наших отношений в период 1996 – 2007 гг.

Бригитта Русс-Шерерэ Приветственное обращение по случаю десятилетия еврейской общины

Дмитрий Цвибель. Ответное слово обер-бургомистру РуссШерер

Михаэль Фолькман. Инициатива еврейской общины – Межконфессиональный Круглый стол в Петрозаводске

Давид Генделев. Из истории еврейской общины Петрозаводска

Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос

Благодарность за сотрудничество

Публикации

Ефиму Левину, любимому другу и бааль коре (отецу Торы)

Вместо предисловия

Ойген Шмид¹

Петрозаводск. Сближение

Город Петрозаводск был основан Петром Великим на берегу Онежского озера как пушечный завод в тот же год, что и Санкт-Петербург (1703 г.). Сегодня Петрозаводск – столица Автономной республики Карелия. Не Симферополь, столица полуострова Крым, и не Рязань, большой город к юго-востоку от Москвы, а именно Петрозаводск был избран прежде «западно-ориентированным» Тюбингеном в конце 1980-х гг. в качестве первого города-побратима в бывшем «восточном блоке».

Преисполненный любопытства, я пустился в далекий путь в Карелию 29 апреля 1989 года в сопровождении двух членов городского совета и переводчицы. Время поездки я выбрал не случайно: будучи наслышан о военных майских парадах в Москве, ежегодно транслировавшихся по телевидению, я хотел сам посмотреть, как празднуют Первомай в Петрозаводске. В аэропорту Ленинграда, как тогда назывался нынешний Петербург, нас встретил зампреда исполкома горсовета Геннадий Фанасов. За чашкой кофе он сразу же показал мне договор о побратимстве и заметил, что документ должен быть завтра же подписан обеими сторонами. Я был огорошен и ясно дал понять, что это невозможно. Мы приехали, сказал я, только для того, чтобы получить первые впечатления о Петрозаводске – то есть о его людях, о городских учреждениях, о промышленных и академических структурах, ну, и вообще о подспудных политических течениях в городе. Вторым шагом должно было бы стать приглашение в Тюбинген делегации из Петрозаводска с аналогичной целью. В соответствии с выражением «тот, кто друга выбирает...»² вопрос о длительном партнерстве наших городов мог быть решен только после того, как пройдет эта «муниципальная помолвка». Конкретно это означало, что я не был уполномочен, и не собирался подписывать договор о побратимстве, уже наготово сформулированный в одностороннем порядке.

Такое странное начало нашего знакомства стало для обеих сторон поучительным уроком. Я ощутил дух прямого, если не сказать тотального, вмешательства Москвы. Очевидно, указание о заключении этих партнерских связей с Тюбингеном город Петрозаводск получил «сверху». Вследствие этого и текст соглашения был централизованно спущен сверху по образцу, наверняка принятому во всем Союзе. Во всяком случае, сам Петрозаводск в делах партнерства не имел права слова или решений. С другой стороны, мой визави узнал от меня кое-что о демократических структурах и муниципальном самоуправлении. Он не только выслушал мой рассказ, но и, как мне показалось, отнесся к нему с сочувствием. Так или иначе, подписание договора, запланированное на завтра, не состоялось.

Через день мы участвовали в майском параде. Он начался с торжественного военного ритуала у памятника павшим в «Великой отечественной войне»³. Оттуда длинная, колонна демонстрантов, состоявшая по преимуществу из гражданских лиц от предприятий и школ, потянулась по городу. Мы удостоились чести находиться на трибуне вместе с политическими лидерами Петрозаводска и Карелии и наблюдать проходившие мимо шеренги. С удивлением для себя мы узнали, что на многих плакатах и лозунгах, которые несли демонстранты, разоблачались местные неурядки и недостатки в снабжении, а некоторые даже выражали протест против планируемого строительства атомной станции. Перестройка и гласность в публичной сфере, оказалось, существовали

¹ Д-р Ойген Шмид – обер-бургомистр Тюбингена, ныне на пенсии

² Здесь намек на известные строки Ф.Шиллера из «Песни о колоколе»: «И тот, кто друга выбирает,/ Пусть сердцем сердце проверяет» (пер. И. Миримского) - прим. пер.

³ Имеется в виду Вечный огонь на пл. Ленина – прим. пер.

далеко за пределами Москвы. Я не ожидал встретить здесь такую широкую свободу слова и собраний. В этот момент я ощутил, что Петрозаводск подходит Тюбингену. Дальнейшие события разворачивались очень быстро. Уже осенью 1989 года я подписал договор о побратимстве в Петрозаводске, а во время новогоднего приема 1990 года аналогичная церемония повторилась в ратуше Тюбингена. Таким образом, были обозначены политические рамки нового партнерства, которое оказалось столь плодотворным. В побратимском договоре обозначалась главная цель партнерства – установление на муниципальном уровне дружеских связей между бывшими врагами. Очень многое создавало между нами дистанцию гораздо большую, чем это бывало до сих пор в отношениях с нашими западными побратимами. Русский язык звучал для нас необычно, а кириллица казалась нам и вовсе китайской грамотой. Однако главные различия проявились в первую очередь в политических структурах и, конечно, в реальностях общественной жизни. Советский Союз выиграл войну, но его население бедствовало. Германия, напротив, проиграла войну, но немцы, жившие на Западе, вкушали от плодов «экономического чуда». Ирония или жестокость истории? Как бы то ни было, но из-за этой экономической разницы, образовавшейся между победителями и побежденными в послевоенный период, мы должны были проявить большой политический такт и пожертвовать многими личными амбициями, чтобы бездумно не задеть национальных чувств или того больше – не нанести побратимам душевных травм. Что до меня, то мне казалось почти чудом, с какой скоростью произошло преодоление абсолютно понятных предубеждений с обеих сторон. И здесь, и там люди откровенно радовались новым встречам, более того, стремились к ним. Многих притягивала и очаровывала загадка «русской души». Многие ожидали новых открытий благодаря знакомству с другим менталитетом. Все это с самого начала способствовало успеху нового партнерства, и, благодаря многочисленным гражданским инициативам, этот успех был достигнут. Ни одно побратимство ни с каким другим городом не было встречено жителями Тюбингена с таким энтузиазмом. Однако этот энтузиазм, сочетавшийся с готовностью оказать помощь русскому товарищу в нелегкий для него исторический период, был порожден не столько интересом к прежде неведомой стране, но в большей степени – осознанным или неосознанным чувством исторической ответственности. С моей стороны было бы самонадеянностью пытаться перечислить имена всех тех больших и малых общественных организаций, религиозных объединений и частных лиц, которые с открытым сердцем, не останавливаясь перед трудностями, а иногда и подвергаясь опасности, начинали побратимские отношения между Тюбингеном и Петрозаводском. Эти отношения, которые живы до сих пор, являют собой яркий пример дружбы, «проросшей из сердца», дружбы, никем не навязанной. Обе стороны до сих пор пользуются теми плодами, которые она принесла. Одним из многочисленных славных примеров нашего побратимства является совершенно необычный проект «Встречи с еврейской общиной в Петрозаводске», инициатором которого выступила евангелическая Рабочая группа. Не в последнюю очередь благодаря чрезвычайно щедрому дару в виде Свитка Торы христиане из Тюбингена способствовали тому, чтобы после долгих лет безвременья в Петрозаводске возродилась религиозная еврейская община. Этот мост, перекинутый между религиями, имеет двойную важность. Во-первых, он показывает, какие силы может пробудить и привести в движение вдохновенная инициатива. Во-вторых, впечатляет, насколько сильно и плодотворно могут сотрудничать христиане и евреи, не затрагивая принципов вероучения. Я особенно радовался этому проекту, с удовольствием наблюдал за ним и желал ему успеха. Наконец, я был приглашен к субботней трапезе (Шаббат) в Петрозаводске. В скромном помещении, которое служит евреям Петрозаводска синагогой, мне устроили очень теплый прием. События того субботнего вечера я сохраню как приятное воспоминание хотя бы потому, что, став свидетелем жизни молодой еврейской общины и увидев плоды той дружбы, которая связывает два наших города, две наши религии, я понял, что в этой дружбе –

надежда на наше общее будущее. Я буду счастлив, если эта дружба окажется прочной и долговечной.

Вместо введения:

Михаэль Фолькман. Недалеко ты от Царства Божия

Первый документ в папке «Еврейская община в Петрозаводске», уже распухшей до шести больших скоросшивателей, которые хранятся в офисе церковной общины им. Дитриха Бонхёффера в Тюбингене, датирован 23 января 1994 года. То была сделанная мной запись в телефонном блокноте о звонке незнакомого мне тогда Данкварта-Пауля Целлера: «РАХЦ⁴ должна выяснить, хочет ли она установить контакт с еврейской общиной «Шалом» в Петрозаводске. Целлер уже кое с кем познакомился».

Это был Пауль, такой, каким я его вскоре узнал, мой собрат на заслуженном отдыхе, человек исключительно смелых решений и непреодолимого стремления к действию. Рабочая Ассоциация христианских церквей Тюбингена (РАСХ) была основана за день до нашего первого разговора; сообщение в газете, извещавшее об учреждении Ассоциации, заканчивалось словами: «РАХЦ уже наметила первую общую задачу: общины высказали желание пожертвовать ровно 100 000 марок на строительство и содержание дома для инвалидов в городе-партнере Тюбингена Петрозаводске» («Швабский листок», от 22 января 1994 года). Для Целлера это известие послужило достаточным поводом, чтобы тут же вмешаться в побратимские дела. Установив связи с евреями Петрозаводска, он узнал, что там существовал культурный центр «Шалом», но не было общины.

Когда ко мне поступил его звонок, я как раз принялся за организацию общинного путешествия в Израиль и ответил Целлеру, что сейчас я как никогда далек от мысли о том, чтобы взять курс на холодную Россию. Но я пообещал довести его вопрос до сведения РАХЦ. Правда, тогда этот вопрос остался неуслышанным.

10 сентября 1995 года, на каком-то мероприятии по поводу церковных выборов, я встретился с Паулем Целлером лично. Он меня не забыл. Зная, что я интересуюсь иудаизмом, он сообщил мне, что недавно разговаривал с евреями в Петрозаводске. И что если бы они могли раздобыть Свиток Торы, то они основали бы религиозную общину. «Не попытаться ли нам сделать это вместе?» – предложил Пауль.

Свиток Торы! «...самое святое, что может быть у еврея, кроме самой жизни (хотя по еврейскому мировосприятию Тора – это и есть жизнь). Великий немецкий поэт Генрих Гейне назвал Тору «портативной родиной евреев», и где бы ни находился еврей, волею Вс-вышнего, да будет Имя Его благословенно, удаленный от родины, он чувствует себя связанным с ней, благодаря именно Торе. Свиток Торы – это не просто великая Книга: это свидетельство Завета, заключенного Вс-вышним с нашим народом, Завета, который не может быть расторгнут, который гарантирует жизнь еврейскому народу и возвращение после великих испытаний и очищения в землю обетованную». Так писал Дима Цвибель обер-бургомистру г-же Русс-Шерер десять лет спустя. Нечто подобное промелькнуло у меня в голове и в тот вечер, когда Пауль Целлер смотрел на меня в ожидании ответа, и я сказал – да.

Сегодня, сидя с Данквартом-Паулем Целлером за бокалом вина, мы бесконечно удивляемся тому, какой оборот приняла тогда наша жизнь. История Целлера, содержащаяся в его очерке в этой книге, о «вдове из Сарепты»⁵ является ключом к событиям пятидесятилетней давности, которые стали началом примирения, превратившегося в дело всей жизни. Дружба, существующая между нами, христианами из Тюбингена, и карельскими евреями, уникальна, и все же она могла бы найти своих последователей во многих европейских городах-партнерах. Предпосылками для этого

---

⁴ РАХЦ – Рабочая Ассоциация Христианских церквей (= Arbeitsgemeinschaft Christlicher Kirchen – АСК) – прим. пер.

⁵ См. 3 Цар., 17 – прим. пер.

являются ощущение общих корней, открытость и уважение к людям, которые тебе встречаются, и видение будущего, в нашем случае Царства Божия, как называл его Иисус, или грядущего мира, как говорят раввины. По выражению моего учителя Петера фон дер Остен-Заккена, иудаизм и христианство с точки зрения их общего происхождения и их общей цели являются *одной* религией, а по их современному земному проявлению – *двумя* религиями. Поэтому, хотя наши земные пути и разошлись, наше место как христиан – на стороне наших иудейских братьев и сестер. Я рад тому, что в отношении этого откровения смог перейти от теории к практике.

12 октября 1995 года Тюбингенское отделение РАХЦ приняло решение о том, что добровольные пожертвования, собранные во время проведенной им в монастырской церкви Штифтскирхе акции в память о сожжениях синагог 9 ноября, должны быть направлены евреям Петрозаводска для приобретения Свитка Торы. В 1938 году в Тюбингене Свитки Торы были сброшены в реку Неккар, еврейская община ликвидирована; теперь мы, по меньшей мере, должны поспособствовать тому, чтобы еврейская жизнь расцвела в городе-партнере. Правление официально зарегистрированной организации «Круг христианско-еврейских встреч Денкендорф» решило удвоить сумму пожертвований со своей стороны, – так были собраны первые 4 300 немецких марок. Во время упомянутого мероприятия Целлер сообщил мне, что устроители акции «Надежда для Восточной Европы» в рамках благотворительной деятельности христианских общин в Вюртемберге пообещали предоставить 7 000 марок для Торы из денег пожертвований Страстной пятницы – в прежние времена это был день, когда христиане часто устраивали еврейские погромы. От христиан со всего Баден-Вюртемберга начали поступать пожертвования на Свиток Торы. В результате за пять с половиной месяцев мы почти чудом собрали 27 000 марок.

Но как же нам раздобыть Свиток? Израильские преподаватели, в течение длительного времени сотрудничавшие с Денкендорфом, центром диалога между христианами и евреями под эгидой Евангелической церкви земли Баден-Вюртемберг, подсказали: в Страсбурге и Манчестере существуют переписчики Свитков Торы. Мы вступили в переговоры. Изготовление нового свитка было бы слишком дорого, но подержанный оказался доступным. Не владея русским, я уселся за свою машинку с еврейским шрифтом и напечатал факсовое письмо на контактный адрес в Петрозаводске. Спустя годы, в приветственном тосте в Петрозаводске, который там произносят за рюмкой водки, нам – к веселью присутствующих – «поставили на вид» замешательство, вызванное этим письмом: его смог прочесть только один престарелый член общества «Шалом», учившийся в детстве, еще до Октябрьской революции, в хедере (традиционная еврейская начальная школа). Ефим Левин, которому теперь девяносто лет, стал позднее чтецом Торы в общине. В Петербурге нашлись авторитетные раввины, которым полагалось дать заключение о кошерности свитка, его пригодности. И таким образом родилось решение о том, чтобы выкупить из собственности Санкт-Петербургской Большой Хоральной синагоги один из свитков для Петрозаводска и тем самым одновременно оказать поддержку социальной работе еврейской общины Санкт-Петербурга. Переписчик из Манчестера, выразивший готовность лично вручить свой свиток петрозаводчанам, получил отказ. Спустя годы, за застольными беседами речь зашла о Манчестере. У Димы Цвибеля как будто пелена спала с глаз. Он вспомнил, как однажды в тот период переговоров и надежд раздался телефонный звонок, и взволнованный голос из Манчестера предупредил еврейских братьев и сестер в Карелии, что некие христиане из Германии с помощью Свитка Торы будут пытаться обратить их в христианство. Ко времени, когда открылась загадка этого таинственного звонка, уже давно стало ясно, что для нас-то вопрос стоял как раз наоборот: если уж во что-то и обращать евреев, то в их собственный иудаизм и тем самым, как к жизненно важной вещи отнестись к словам, адресованным нам, христианам, в «Послании к Римлянам» апостола Павла: «...не ты корень держишь, но корень тебя» (Рим., 11, 18).

Насколько плодоносным станет начавшийся таким образом обмен между корнем и ветвями, мы тогда еще не предвидели. Сразу же после передачи Свитка Торы в 1996 году и начала богослужения у карельских евреев, им удалось вернуть находящееся в самом центре Петрозаводска кладбище. Тюбингенцы, участники летнего лагеря, проходившего под девизом «Искушение – служба миру», восстанавливали кладбище. После своего возвращения они рассказывали, что в новой синагоге висит доска, на которой с благодарностью упоминается община им. Дитриха Бонхёффера в Тюбингене, и что люди наверняка были бы рады продолжению контактов. Так и случилось, и в январе 1997 года была основана Тюбингенская Рабочая группа «Встречи с еврейской общиной в Петрозаводске», которая с самого начала все свои акции планировала в рамках деятельности Рабочей Ассоциации Христианских церквей Тюбингена. С тех пор мы почти ежегодно обменивались визитами, и наши контакты перешли в крепкую дружбу. И особенно важно, что в годы экономических бедствий в России много людей в нашей земле⁶ помогало нам оказывать материальную помощь евреям города-побратима.

Эта рабочая группа – 15-20 активистов и с десятков тех, кто оказывал моральную поддержку – добилась определенного резонанса в обществе. Совместно с официально зарегистрированным обществом «Историческая мастерская Тюбингена» и гражданской инициативой «Площадь синагоги» мы принимали участие в разработке художественной концепции реконструкции Площади синагоги на Гартенштрассе № 33. Весной 1998 года был объявлен художественный конкурс, а последняя мемориальная доска, завершающая памятник, была установлена в годовщину Хрустальной ночи 9 ноября 2001 года.

По образцу «Недель изучения Торы», регулярно и с большим успехом проходящих в Денкендорфе с 1978 года, мы помогли русским друзьям с приглашением знатоков Торы из Израиля. Таким образом, в Петрозаводске дважды прошли свои «Недели изучения Торы». Расходы по ним взял на себя «Круг Денкендорфа». Община им. Дитриха Бонхёффера также проводила «Недели изучения Торы» с еврейскими наставниками в 1997, 2002 и 2005 годах.

Не прошло и десяти лет, а наши друзья в Петрозаводске уже в третий раз вынуждены были сменить крышу над головой. У них появилась необходимость иметь собственное, постоянное помещение для синагоги. В наличии земельный участок в центре города выше поймы речки Неглинки. В настоящее время наша благотворительность нацелена на то, чтобы мечта петрозаводских евреев о синагоге исполнилась.

Много лет мы с Паулем Целлером – он в Берлине, я в Тюбингене – проводили памятные мероприятия в память Хрустальной ночи. 7 сентября 2005 г. рабочая группа одобрила декларацию «К церквям всех конфессий в нашей стране об официальном признании 9-го ноября Днем памяти и покаяния». Через полтора года декларация была представлена на рассмотрение Евангелического Земельного синода в Вюртемберге. Она была направлена в Комитет по миссионерской деятельности и делам экуменического движения для переработки, после чего ее снова будут обсуждать на Пленуме.

Наши друзья в Петрозаводске в июле 2006 г., в ходе праздничных мероприятий по поводу 10-летнего юбилея своей общины, создали Межконфессиональный круглый стол. За это десятилетие уважение к карельским евреям выросло настолько, что в учредительном заседании Круглого стола наряду с пятью христианскими конфессиями было представлено и мусульманское объединение. Благодаря связям с Тюбингеном, Дима Цвибель получил возможность сослаться на пример Фонда «Мировой этос», который с самого начала сопровождал наши инициативы с симпатией и поддерживал нас.

Вне всякой зависимости от описываемых событий осенью 2005 г. в общинном Центре Дитриха Бонхёффера случилось нечто совершенно новое и особенное. Один американский еврей, проживающий в Тюбингене, Марти Потроп, искал место, где он мог бы собрать людей на Шаббат. Он читал о какой-то церковной общине, которая носила имя Дитриха Бонхёффера. В США он слышал о Бонхёффере и теперь подумал, что община им.

---

⁶ Т.е. в Баден-Вюртемберге – прим. пер.

Дитриха Бонхёффера должна быть открыта для евреев. Ожидания его не обманули. Потроп стал сотрудничать с университетским пастором Хайди Абэ, прежде два года прожившей в США. В результате с 28 октября 2005 г. в помещениях общины регулярно собираются люди, чтобы отмечать Шаббат и еврейские праздники. Постепенно была создана официально зарегистрированная организация «Бустан шалом» - это первая, получившая правовой статус, еврейская структура в Тюбингене со времени уничтожения еврейской общины и ее синагоги нацистами во время Хрустальной ночи (с 9 на 10 ноября 1938 г.) Члены организации мечтают о создании в Тюбингене новой еврейской общины. Летом 2007 г. впервые с нашими карельскими гостями и организацией «Бустан шалом» мы намереваемся вместе провести Шаббат.

Акция «Свиток Торы для Петрозаводска» привела меня к деятельному диалогу между христианами и иудеями. Теперь, после того как меня перевели на место пастора в Вюртемберге, это моя основная профессия - я ответственный за христианско-иудейский диалог в Денкендорфском центре повышения квалификации. Текстом для проповеди в день своей инвеституры (вхождения в должность пастора) в мае 2003 года я выбрал Евангелие от Марка, глава 12, стихи 28-34: встреча Иисуса с одним фарисейским книжником, которая обнаруживает полное согласие между обоими. Иисус оканчивает этот разговор словами: «Недалеко ты от Царства Божия». Для меня эти слова звучат предсказанием при каждой встрече христиан и иудеев.

Данкварт –Пауль Целлер Как все начиналось

«Папа, скажи-ка, почему евреям живется так плохо и почему они никому не нужны?» Мой отец глубоко вздохнул, положил в пепельницу остывшую сигару (он почти всегда только посасывал ее незажженной) и ответил примерно следующее: «Тебе следует знать, что это старая-престарая история. На еврейском народе тяготеет древнее проклятие. Ты знаешь, что они отринули Христа и дали римлянам казнить его. А Матфей рассказывает, что они кричали, стоя перед Пилатом: «его кровь на нас и на наших детях⁷», то есть - на всех последующих поколениях евреев. В наказание они были изгнаны со своей родины и рассеяны по всей земле. Многие из них сегодня очень богаты. Но чем больше у человека денег, тем больше у него власти и тем меньше его любят».

В свои тринадцать лет я не мог этого понять. Ведь были же и арийские люди с толстыми кошельками и большой властью. Я был знаком с еврейской девочкой – так что ей до того, что две тысячи лет тому назад Иисусу пришлось умереть? Разве древнее «проклятие» божьего суда осталось на евреях на все времена? Разве это справедливо? «Возможно, я смогу объяснить тебе это потом». Примерно так окончился разговор.

Через год я стал свидетелем ноябрьского погрома 1938 года: на улицах Бад Каннштадта в ту ночь былолюдно. Перед магазином текстиля стояли люди из СА⁸ с плакатом: «Немцы! Не покупайте у евреев!» Мне встретился школьный товарищ, который спросил меня: «Ты уже был у еврейской церкви там, на Вильгельмплац?» И добавил: «В ней выбили окна, а на плакате был веселый текст: «Евреев выметает метлой, они бредут через Красное море, волны смыкаются – и мир, наконец, обретает покой». Мой отец – член СА. За обедом он сказал: «Сегодня ночью все будет кончено». Я не понимал, что должно быть «кончено», пока на следующее утро, 10 ноября, не увидел собственными глазами синагогу, превращенную в пылающие руины. То здесь, то там из нее еще вырывались языки пламени. Большая людская толпа стояла на тротуаре перед ней. Люди молча глазели на обуглившиеся стропила и на облака дыма, вырывающиеся из верхних, округлой формы, оконных проемов. Пожарные снова и снова поливали водой из толстых шлангов

⁷ См. Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 25: «И, отвечая, весь народ сказал: кровь его на нас и на детях наших» - прим. пер.

⁸ Отряды СА – нацистские штурмовики – прим. пер.

близлежащие дома, чтобы еврейский огонь не перекинулся и на них. Какой-то подвыпивший тип в коричневой рубашке, шатался вокруг и горланил: «Сдохни, жид, сдохни, жид!» Что сказал отец? «Возможно, я смогу объяснить тебе это потом». Но здесь уже не требовалось никаких объяснений. Я только спрашивал себя: Почему они не потушили еврейскую церковь? Почему люди стоят как окаменелые? Почему слышно только, как орет пьяница в коричневой рубашке? Это зрелище безмолвствующих, таращащихся на место преступления людей навечно врезалось в мою память.

Через три года после этого из нашего дома забрали высокоодаренного музыканта, виолончелиста Р.Л. С сентября 1941 года он носил желтую звезду. Я все еще вижу, как он и его экономка идут по тротуару под конвоем двух гестаповцев в черных кожаных пальто к машине на углу – звезды между двух черных ангелов – и у меня предчувствие, что он больше никогда не вернется. Когда я спросил хозяев своего пансиона, что здесь произошло, они в ответ лишь пожали плечами. В этой добропорядочной христианской семье и в дальнейшем не заговаривали о случившемся. Это беспомощное и трусливое молчание навсегда вьелось в память мне, тогда уже семнадцатилетнему.

Спустя четырнадцать месяцев я, солдат артиллерии, с тремя другими выпускниками школы, теперь «в серых шинелях», и с восемью лошадьми для перевозки орудий ехал в товарном вагоне из Марселя через всю Европу в Сталинград. Ночью на вокзале в Кракове наш эшелон медленно проходил в тусклом свете фонарей мимо другого состава на запасном пути: мы видели изможденные человеческие лица, бессмысленно глядевшие на нас из обвитых колючей проволокой вагонов для скота. Мы катились мимо них под невыносимо медленный перестук колес – ра-та-так, ра-та-так – и, как прикованные, смотрели в эти измученные лица, в эти невидящие глаза в каждом новом вагоне – ра-та-так, ра-та-так. Мы испытывали сочувствие к этим сдавленным в тесноте людям. Но больше мы ничего не знали. Оба эшелона состояли из одинаковых вагонов, оба подчинялись тем же командирам, и никого из пассажиров, будь он солдат или один из этих несчастных, не спрашивали, где они хотели бы пересечь или сойти. На такие поезда не покупали билетов, их пассажиры не знали, по какому маршруту поедут – на какой фронт, на какую смерть? Сталинград? От Кракова до этого города было еще далеко. А Аушвиц⁹ находился совсем рядом с Краковом. Тогда это название еще не стало обозначением позора человечества. Как бы то ни было, мы четверо и наши восемь лошадей и понятия не имели, навстречу какому аду катился этот другой поезд. Краковский вокзал никогда не изгладится из моей памяти.

Война на уничтожение, которую Германия объявила Советскому Союзу, бои при отступлении с Волги до Молдавии закончились для меня четырехлетним пленом в лагерях по всей России – от новгородских Боровичей до карельского Выборга и Ленинграда.

Впервые мы узнали русских людей в их повседневности, в их трудовых буднях – в стране, полностью истощенной войной, где у населения было не больше еды, чем у нас, пленных. Нашим глазам открывалась картина, совершенно противоположная той, которую рисовала нацистская пропаганда, изображавшая «еврейско-большевистского недочеловека». Маленького примера, наверное, достаточно, чтобы объяснить, какую школу мы прошли на пути от наших прежних гитлерюгендовских песен до «Шма, Израэль»¹⁰ и Нагорной проповеди Христа.

Это случилось в рабочей команде при кирпичном заводе, где мы должны были укладывать сырые глиняные кирпичи в обжиговые печи, а готовые обожженные выкатывать на тележках. Однажды грузовик с провиантом застрял в снегу. Таким образом, в обед мы остались без капустной баланды и хлеба. Голод буравил кишки. Мы, пленные, апатично примостились у теплых обжиговых печей. Уже за несколько дней до

---

⁹ Аушвиц – немецкое название Освенцима, одного из самых одиозных фашистских лагерей смерти – прим. пер.

¹⁰ «Слушай, Израиль!» - начальные слова самой известной еврейской молитвы, иудейского символа веры – прим. пер.

этого я заметил маленький, утопающий в снегу деревянный домик за территорией завода. В обеденное время над трубой кольцами сгустился дым. Кто бы мог там жить? Может быть, ночной сторож завода? Я и сегодня не знаю, почему я вдруг, воспользовавшись краткой отлучкой надзирателя, протопал по снегу к находящемуся рядом жилищу. Дверь была притворена. Я постучался и вошел. Чем мучительнее голод, тем ниже порог запретов, тем чаще люди доходят до наглости. Узенький проход с крепко утрамбованным глиняным полом вел мимо единственной комнаты прямо в побеленную кухню: маленький деревянный стол, два стула, полка над старой печкой, хранящая пару обитых эмалированных мисок да кое-что из посуды. Перед небольшой иконой в углу стояла, легко склонившись, маленькая женщина в черном, бормотала что-то себе под нос и беспрерывно крестилась. Когда я тихонько кашлянул, она медленно обернулась ко мне, взглянула на меня вопросительным, чуть ли не ожидающим взглядом затуманенных глаз, как будто рассчитывала на мой приход, и перекрестилась в последний раз. Я как будто прирос к месту, не произносил ни слова, показал нерешительно, но однозначно на свой живот и дотронулся затем до рта. Жест, который понятен на всех языках мира. Бабушка покивала головой и, не говоря ни слова, вынула из-за иконы две фотографии, поднесла их мне к лицу и положила другую руку себе на грудь. На одной фотографии был мужчина средних лет в военной форме, внизу стоял год – 1916, на другой – красноармеец лет двадцати, с орденом на груди. Ей не нужно было ничего объяснять: первый был ее мужем, второй – единственным сыном; один погиб от немецких пуль или осколков гранаты в первой, другой во второй войне против немцев, вторгшихся в страну. Она снова бережно положила фотографии за икону, перекрестилась и затем безмолвно пошла к печке в другом углу помещения, открыла жестяную дверцу духовки над плитой и вынула оттуда тарелку. На тарелке лежал ее обед, который она разогревала: четыре вареные, чуть сморщенные картофелины в мундире. Кроме этого, у нее на кухне, наверное, не было ничего. Она поставила тарелку на стол, пошарив, вытащила кривой ножик из ящика стола, очистила картофелины и протянула две из них, ровно половину, мне, чужаку, недавнему врагу, и тогда и теперь непрошеному гостю, который, вероятно, напомнил ей ее погибшего сына. Мы молча ели, делясь насущным, ели, медленно жуя, каждый свои две картошки, прямо с руки. Старушка все время кивала головой, пока мы безмолвно, но все же красноречиво делили трапезу друг с другом – разве это не причастие?

Когда я встал из-за стола, меня охватило ощущение, будто я участвовал в древнем таинстве. Я поблагодарил, неловко поклонился и протянул женщине в черном, этой «вдове из Сарепты» (3 Цар., 17)¹¹ на прощанье обе руки. Она схватила мою голову, поцеловала меня в лоб, еще раз перекрестилась и махнула дрожащей рукой мне вслед, когда я по утрамбованной глине коридорчика шагнул из дома снова на холод. Эта русская женщина из Боровичей научила меня большему, чем дюжина профессоров-теологов за восемь семестров учебы. Никогда больше мне не доводилось столкнуться с подобным проявлением милосердия, благодати и того, что обозначается в Писании словом «шалом». России понадобилось, чтобы прошли сорок лет, пока благодать, посетившая сердце, – не в последнюю очередь благодаря Горбачевской перестройке – не начала приводить в движение всю страну, наставив ее на путь примирения.

В 1986 году в Тюбингене весьма активная группа женщин-пацифисток разрослась до рабочего кружка, выступавшего за примирение между Федеративной республикой Германия и Советским Союзом. Д-р Йорг Бозе, ставший позднее председателем общества «Запад-Восток», был в этом кружке главной фигурой. Его первой конкретной целью стал выбор российского города-побратима Тюбингена. Подключили русское посольство. Многие предлагали установить побратимские связи с каким-нибудь городом на теплом юге, у Черного моря. Обсуждался Симферополь в Крыму. Но из посольства в Бонне пришел другой сигнал. По их мнению, побратимом должен был стать университетский город, испытавший военную разруху. Возникла новая кандидатура: Петрозаводск, столица

---

¹¹ Т.е. см. 3-я книга Царств, гл. 17 – прим. пер.

Республики Карелия, недалеко от Ленинграда. Поскольку мне эта местность на севере России была знакома со времен плена, я ухватился за эту идею. Как известно, «простых случайностей» не бывает: когда в скором времени мой друг и коллега из Берлина, суперинтендант¹² Иоахим Кристоф пригласил меня в научную командировку по «северному кольцу» через Псков, Новгород, Ленинград, Петрозаводск и Эстонию, я сразу же согласился. И когда по прибытии в Петрозаводск мы попросили переводчицу о приеме в ратуше¹³, это стало первым шагом к дальнейшему партнерству Тюбингена и Петрозаводска. Красочно расписав соблазны прекрасной «невесты» - Тюбингена бургомистру¹⁴ Геннадию Фанасову, мы вручили ему зонтик с мотивами Тюбингена и бутылку тюбингенского вина. Он спросил меня: «Как Вы думаете, что нам следует сделать?», и я наобум ответил: «Пошлите нашему бургомистру официальное приглашение и позаботьтесь о том, чтобы светило солнце, когда он приедет со своими советниками». Сказано – сделано: первого мая 1989 года, за полгода до падения Стены¹⁵, сияло солнце, и радостно-веселый праздник Первомая на набережной Онежского озера, вдали от всех привычных в то время маршей и парадов с флагами, а также уникальное русское гостеприимство настолько пришлось по вкусу гостям из Тюбингена, что обер-бургомистр¹⁶ д-р Ойген Шмид объявил партнерство первоочередной задачей. Осенью того же года состоялся ответный визит; на Рождество Хайнер Швейкхардт повез в Карелию на грузовике своей фирмы первый гуманитарный груз из Тюбингена, а 18 января 1990 года был подписан союз городов. Сотни тонн гуманитарных грузов отправились в путь. Неоднократно и я сидел в кабине грузовика рядом с Хайнером Швейкхардтом.

Прибыв с третьим транспортом, я путем расспросов вышел на бывших узников концлагерей и натолкнулся на Вадима Мизко, который в семнадцать лет попал в лагерь Заксенхаузен. «Знаешь, почему я еще жив? - говорил он мне, - Когда из нашего барака сбежали трое поляков, стали расстреливать каждого десятого. При счете я оказался десятым. Шарфюрер СС¹⁷ пожалел меня, потому что я был еще очень молод. Он оттолкнул меня и взял следующего, стоящего рядом со мной. Этот товарищ умер за меня, но не добровольно, как Максимилиан Кольбе. Не сможешь ли ты мне в создании музея им. Максимилиана Кольбе?» Я согласился. После этого он как-то утром потащил меня на окраину города в Пески. Мимо памятника жертвам концлагерей мы прошли к заботливо прибранному захоронению 450 красноармейцев, павших при освобождении города. Не доходя до памятника, он указал на граничащий с ним запущенный лесок: «Там лежат 1200 немецких военнопленных, умерших от голода на восстановлении города. Разве не следует превратить их кладбище в памятное место в знак примирения у могил?» Мы молча обнялись и стали друзьями. Сейчас оба проекта, над которыми мы вместе работали, реализованы: единственный в России музей концлагерей и Холокоста, названный именем Максимилиана Кольбе, и кладбище немецких солдат. Основная нагрузка лежала на Вадиме Мизко, умершем 1-го февраля 2006 года.

Вадим ни за что не хотел признать, что мое пребывание в сталинских лагерях выглядело совершенно по-иному, чем его в гитлеровских концлагерях. Но нам не хотелось только оглядываться назад, каким бы важным не был для нас лозунг «Помнить и не забывать». Как-то вечером за рюмкой водки я спросил его: существуют ли в Петрозаводске евреи, и существует ли где-либо в городе благодаря перестройке еврейская жизнь или еврейская община? Вадим ответил на мой вопрос утвердительно и, заручившись согласием своей жены Веры, пригласил к себе руководителей культурного центра «Шалом». Так в квартире Вадима я познакомился с Димой Цвибелем, который пришел в сопровождении

¹² У протестантов это духовное лицо, стоящее во главе церковного округа – прим. пер.

¹³ Данная немецкая реалия соответствует тогдашнему советскому «горсовет» - прим. пер.

¹⁴ Русское соответствие – зам. председателя горсовета – прим. пер.

¹⁵ Имеется в виду Берлинская стена, символ разъединения Германии, возведенная 13 августа 1961 г. и разрушенная под напором народа в ночь с 9 на 10 ноября 1989 г. – прим. пер.

¹⁶ В русском соответствии – мэр – прим. пер.

¹⁷ Шарфюрер – унтер-офицер войск СС в фашистской Германии – прим. пер.

супругов Зайденберг. Последние руководили воскресной школой, где от шестидесяти до ста детей и подростков получали представление о еврейской истории, еврейских праздниках, их происхождении и значении, а также о еврейском языке – иврите, который мог пригодиться потенциальным эмигрантам в Израиль. «Воскресная школа», потому что со времен перестройки необходимые помещения, имевшиеся в городских школах, в христианское воскресенье (после Шаббата) предоставлялись в распоряжение евреев. Когда Дима Цвибель сообщил, что только в столице проживает 1200 евреев, т.е. столько, сколько во всем Вюртемберге, я задал само собой разумеющийся вопрос: Почему же у вас нет синагоги?» (Прежняя тюбингенская синагога, когда она в 1938 году стала добычей пожара, насчитывала сотню прихожан). Ответ Димы огорошил меня: «Потому что у нас нет Торы». Я подумал, что он придает этому переносный смысл: потому что у нас исчезла вера в Заветы Торы, и переспросил еще. «Нет, у нас просто нет Свитка Торы», – был ответ. И когда я затем в своей наивности, еще не подозревая, сколько может стоить Тора, ответил: «Ну, если только это, то я вам ее достану», Дима посмотрел на меня взглядом, в котором читалось сразу несколько мыслей: «Либо он «малость того», либо хочет над нами посмеяться, либо он внук Рокфеллера, либо же он ни о чем не имеет представления, или же с ним что-то другое не в порядке». Но я подтвердил свои слова, на что Дима только спокойно кивнул головой.

Едва возвратившись в Тюбинген, я пошел посоветоваться с Михаэлем Фолькманом. Тот был сразу же захвачен идеей о том, чтобы в память о разрушенной Тюбингенской синагоге протянуть руку помощи еврейским братьям и сестрам города-партнера для создания синагогальной общины, преподнеся в дар Тору. Это зачин второй части чуда: все христианские церкви в Тюбингене (евангелическая, католическая, методистская, баптистская, православная) примкнули к проекту, и в короткий срок деньги были собраны.

Летом 1996 года в Санкт-Петербургской Большой Хоральной синагоге в торжественной и праздничной обстановке состоялась передача приобретенной Торы. Дима Цвибель принял ее, и от пожертвований еще остались деньги на благоустройство и реконструкцию старого еврейского кладбища, через которое город первоначально планировал строить объездную дорогу. Тюбингенская региональная Рабочая группа «Искушение – служба миру» помогла в восстановлении кладбища. Мэр Петрозаводска Катанандов, теперь президент республики Карелия, узнав о Тюбингенской инициативе, добавил еще необходимые для кладбища средства, а на торжественном приеме в мэрии заявил: «Мне хотелось бы попросить еврейских сограждан не эмигрировать. Вы нужны нам здесь для строительства нашего города».

Когда летом 2006 года, в связи с празднованием десятилетия основания синагоги, Дима Цвибель пригласил нас в петрозаводскую мэрию на «Круглый стол религий в Карелии», этот прямо в духе Авраама экуменический союз¹⁸ евреев, христиан и мусульман, да еще с участием представителей городской администрации, не только мы, гости из Тюбингена, испытали бесконечное благодарное изумление.

У «чуда» произрастающей синагоги, и того, что она прижилась и расцветает, есть, помимо Святого духа, духа Торы, много и земных отцов. Тех, кто уже может рассказать, «как все начиналось». Но только одно можно сказать с уверенностью: Тайнство Торы, как и тайнство творения, – неисчерпаемо.

---

¹⁸ Намек на Авраама, которого еврейская традиция считает первым монотеистом со времен Ноаха/Ноя. Наследием Авраама стал этический монотеизм – вера в то, что у человечества существует единый бог и что его главная забота – чтобы люди вели себя нравственно – прим. пер.

Дмитрий Цвибель **Атмосфера любви**

Есть события, определяющие дальнейшую жизнь на многие годы вперед. Таким событием, как нам видится, явился визит делегации нашей общины - Юрия Рыбака, Михаила Бравого, Дмитрия Цвибеля - в Тюбинген, состоявшийся с 7 по 16 июля. Еще многое надо осмыслить, над чем-то задуматься, в чем-то разобраться, но уже сейчас ясно: дан мощный импульс для развития еврейской общины Петрозаводска. Эти десять дней вместили в себя много событий: встречи, дискуссии, знакомства, приемы, службы в синагоге Штутгарта и общине Дитрих-Бонхоффер, семинар, участие в Днях Тюбингена и даже прогулка по королевскому лесу с шашлыками и русской водкой под проливным дождем!

Мы встретились с Хартмутом Мецкером - руководителем «Денкендорфского круга», организовавшего Неделю Торы в Петрозаводске в прошлом году, и выразили ему нашу глубокую признательность. Трогательная встреча состоялась с экс - обербургомистром Ойгеном Шмидом, который принимал участие в налаживании связей между нашей общиной и Тюбингеном, а во время своего пребывания в Петрозаводске в прошлом году посетил нашу синагогу. Он с благодарностью принял подарок - салфетку для халы, привезенную специально для него из Иерусалима. Состоялось знакомство и с новым обербургомистром г-жой Бригитте Русс-Шерер. Мы договорились о встрече во время ее предстоящего ознакомительного визита в Петрозаводск.

С большой заинтересованностью мы были приняты в «Немецком институте врачебной миссии», ведущем огромную работу по оказанию помощи лекарственными средствами нуждающимся во всем мире. Мы ознакомили руководителя института д-ра Бенна с нашими проблемами и договорились о практическом сотрудничестве. Работник института д-р Кинцле, недавно переселившийся из России, познакомил нас с клиникой института. Тут же нам были предоставлены медикаменты, которые мы и привезли с собой.

Интересной была и встреча с нашим земляком Яковом Рывкиным. Вместе с сердечным приветом всем, кто его помнит, Яков передал большую партию лекарственных препаратов.

И все же главным были встречи с друзьями: Паулем Целлером, Михаэлем Фолькманом и всеми теми, кто отдает так много тепла своего сердца нашим взаимоотношениям. Это удивительное чувство: когда покидаешь свой дом, едешь тысячи километров и приезжаешь... домой! Мы погрузились в атмосферу искренности, взаимопонимания, любви. Откровенные разговоры, стремление понять причину наших проблем, горячее желание помочь - все это оставляет неизгладимое впечатление.

И дело здесь не только в гостеприимстве. Все гораздо глубже. Мы в этом смогли убедиться много раз. В небольшом городке Эбенхаузе недалеко от Тюбингена создан еврейский музей, расположившийся в бывшей церкви. Его создатель - священник д-р Купплер преподает в немецкой школе (!) еврейскую историю и традицию. Он сам изготовил макет синагоги, чтобы наглядно показать детям службу и всю атрибутику. Г-н Купплер рассказал нам об истории евреев городка, их вкладе в его развитие, их трагедии. Нет, не рассказал - это была песнь! И звук шофара, как плач, разнесся под сводами.

Плачь - и удалится
освобожденная тяжесть страха.
Две бабочки держат
небесный свод над тобой,
и слезы твои растворятся:
страх исчез в сиянии света.

Нелли Закс
(немецкая еврейская поэтесса, 1891-1970)

Местная газета опубликовала интервью с нами и поместила снимок проекта синагоги для Петрозаводска (дипломная работа Романа Шнайдермана - прекрасный подарок нашей общине), указав телефон, по которому можно связаться для пожертвования на ее строительство. И Михаэль Фолькман передал нам собранные за это время деньги! Мы были на месте сожженной в пресловутую «Хрустальную ночь» синагоги, где на собранные жителями Тюбингена средства в этом году будет поставлен памятник. А таксист, подвозивший нас на автобусную станцию, не взял плату, сказав, что это подарок нам!

И лишь вернувшись в родной город, мы увидели на улицах ... фашистов!
(Нет, я не оговорился).

Центральным событием визита стал совместный с общиной Дитрих-Бонхоффер семинар, на котором Михаэль Фолькман провел интереснейшее занятие по молитве «ШМА ИСРАЭЛЬ» с разбором ее значения, толкованием и классическими еврейскими комментариями к ней. С нашей стороны я имел честь прочитать доклад «Горький дым Холокоста», вызвавший жаркую дискуссию. И здесь просто блистательно проявила себя Светлана Виноградова, наша переводчица, которая сумела в очень трудном материале не потерять темпа, не затушить огонь.

А потом на ужине в теплом гостеприимном доме у Агнес и Пауля Целлера, после тостов за все прекрасное, пастор Михаэль Фолькман взял кларнет, я - глава еврейской религиозной общины сел за рояль, и полилась музыка Шуберта, Моцарта, Мендельсона, Баха, Рубинштейна, наполнившая сердца чем-то, что невозможно выразить! И я подумал: вот модель взаимоотношений различных религий - кларнет должен играть как кларнет, рояль - как рояль, а вместе мы составляем дуэт. И если к нам присоединятся другие, получится симфонический оркестр, с его неограниченными возможностями!

Итак, визит состоялся. В чем его значение? Мне кажется, в первую очередь, в осознании того, что лишь так, глаза в глаза, уста в уста, от сердца к сердцу, можно достигнуть понимания между людьми. Людей, ощутивших тепло другого человека, никакие политики не смогут натравить друг на друга. И еще. Одними продовольственными посылками не вылечить недуг России - тут нужна долговременная программа просвещения, образования, воспитания. В конце концов, сытое животное остается животным. Надо уметь учиться у прошлого. «Кто умен? Кто учится у каждого» - эта мудрость из трактата Авот. Попробуем усвоить это.

ГОРЬКИЙ ДЫМ ХОЛОКОСТА

*Моим немецким друзьям Данкварту-Паулю Целлеру, Михаэлю Фолькману
с любовью*

*Кровь, пролитая на Кресте во искупление всего человечества, есть кровь еврейская.
Леон Блой,
французский католический писатель.*

*Антисемитизм – это социализм дураков и невежд.
Август Бебель,
основатель германской социал-демократической партии.*

О Холокосте очень трудно говорить, потому что сам факт Холокоста не укладывается в сознание, особенно то, что произошло это совсем недавно, в просвещенной Европе. Еще живы свидетели, еще не заросли рвы, еще где-то прячутся бывшие палачи. Как это могло случиться? почему так много людей приняло в нем участие? каким образом была подготовлена почва в человеческом сознании для подобного явления? почему правительства многих стран, зная о происходящем, не предпринимали мер, или хотя бы не осуждали происходящее?.. Вопросы, вопросы. Очень много вопросов. Сейчас, когда становятся достоянием гласности документы, относящиеся к тому времени, вопросов становится еще больше. А ответов?.. Английский государственный деятель Самуэль Герберт сказал: «Никакое следствие не бывает следствием лишь одной причины». Мы должны признать, что сколько-нибудь вразумительных ответов о причинах, породивших это чудовищное явление пока нет.

Член нашей религиозной общины д-р Залман Кауфман, сидевший в советском лагере после войны, рассказал, что жил в одном бараке с немцем, который попал в плен. Они работали на одной пиле на лесоповале и были достаточно дружны. Однажды в лесу во время ссоры Залмана Кауфмана с охранником, тот сбил его с ног и замахнулся топором, чтобы его прикончить. Тогда немец бросился на охранника и предотвратил это убийство, рискуя своей жизнью. Позже Кауфман спросил немца: «Вот отсидим мы срок, нас освободят, ты уедешь в Германию. Может быть мы снова встретимся. Как ты будешь ко мне относиться?» Тот подумал и сказал: «Вон, видишь ту сосну? Так я тебя на ней повешу. Евреи не должны жить».

В тот момент, когда над человеком нависла опасность, и некогда было думать, этот немец поступил, повинувшись заложенному в нем Вс-вышним инстинкту сохранения жизни, жизни как таковой, даже если это чужая жизнь. (Сказано: «Кто спасает одну жизнь - спасает целый мир».) Ответ же немца – это плод его сознания, то зло, которое в нем накопилось в результате насилия над Б-жественной волей. Это произошло в результате его воспитания, жизненного опыта, окружения, того времени, той идеологии, под влияние которой, он попал. С другой стороны, в то же самое время существовали и другие влияния, другие идеологии, другие теории. Почему его сознание выбрало для себя именно эту, хотя природа сохранилась в нем на инстинктивном уровне? И как сделать, чтобы наше сознание не входило в противоречие с заложенным в нас от рождения Б-жественным присутствием? Это проблема для всего человечества, независимо от веры. Вс-вышний, создав человека, наделил его правом выбора, и от этого выбора зависит, какую жизнь проживет человек, как он повлияет на жизнь других людей, какой след оставит после себя. Согласно воззрениям иудаизма, человек создан для совершенствования мира. Но **как** и **кто** определяет что является улучшением мира, а что нет? Ведь ни один злодей не признается, что он желает ухудшить мир – все считают, что они его делают лучше и во имя этого совершаются многие преступления. Хотя сам факт того, что у человека есть потребность оправдать свои действия перед другими людьми, можно рассматривать, как

присутствие в человеке божественного начала. И все же высший суд - это Б-жественный суд, и строить свою жизнь надо стремиться так, чтобы выдержать критерии именно *этого* суда.

С точки зрения иудаизма наверное самый болезненный вопрос в связи с Холокостом не в том, кто виноват, а как Он, Вс-вышний, мог допустить *это*... Все попытки представить Холокост, как наказание за отход от Б-га, несоблюдение заповедей, ассимиляцией и т.п. разбиваются о то, что в Америке, к примеру, все эти процессы происходили в неизмеримо большей мере. Так почему «наказание» не постигло американцев? Почему были просто сметены с лица Земли те, кто жил в местах, где было сконцентрировано основное ядро еврейской жизни с ее верностью Торе, веками освященными традициями, стремлением отгородиться от внешнего влияния? И уж совсем необъяснима гибель детей.

Существует мнение, что Холокост – это испытание евреев по типу Иова, который, несмотря на все страшные несчастья, выпавшие на его долю, остался верен Б-гу. Но тут тоже противоречие: в пламени Холокоста погибали не только со «Шма Исраэль» на устах, но и принявшие христианство, неверующие, атеисты, злодеи и праведники. И, в отличие от Иова, они *погибли* – значит, это не могло быть испытанием для *них*, а предположить, что все эти жертвы - для испытания веры тех, кто остался жить... Об этом страшно даже подумать.

Есть такое понятие, как «сокрытие лица Вс-вышнего», когда Б-г как бы оставляет людей, и они действуют самостоятельно. Но это *кажушееся* отдаление Б-га, на самом деле человек сам забывает свою связь с Вс-вышними и нужно усилие для того, чтобы сорвать завесу со своей души, отделяющую ее от Б-га. Это ассоциация с событиями, описанными в книге Эстер, единственной книге Танаха, где нет упоминания Имени Вс-вышнего. Тогда впервые в истории евреев решили уничтожить только за то, что они евреи. Но замыслу не суждено было осуществиться, и злодеи понесли наказание. В книге говорится о казни злобного Амана и десятирех его сыновей, задумавших погубить народ Израиля. Праздник в честь избавления евреев от уничтожения называется Пурим, от слова *пур*, что значит *жребий*, так как бросали жребий, чтобы установить дату истребления евреев. Холокост как бы повторение этой истории только в ее более страшном варианте. Тут прослеживается прямая связь с расплатой главных нацистских преступников, и это понимал, по крайней мере, один из них – Юлиус Штрайхер, издававший грязный погромный журнал «Штюрмер», кричавший: «Пуримфест! Пуримфест!», перед казнью. Казалось бы, справедливость восторжествовала – преступники наказаны, но .... И дальше уже нечего сказать. Слишком несоизмеримы преступления и расплата.

Много раз уже вставал вопрос о вере после Холокоста. Как увязать любовь Б-га и то, что произошло? Почему Он, да будет Имя Его благословенно, не вмешался и не предотвратил бойню. Почему люди способны на *такое*? И как жить после *этого*? Это очень болезненные вопросы. На них пока не найден удовлетворительный ответ. Может и не будет найден. Ведь есть заповеди Б-га, основания для исполнения которых, не понятны, но которые надо исполнять. Такие заповеди называются *хуки*, они заканчиваются формулировкой «Я – Б-г». Может и явление Холокоста из той непонятной области, которая заканчивается именно этой формулировкой? Или это совсем другое? Пока мы можем только констатировать сам факт Холокоста и пытаться предотвратить подобное на уровне человеческих отношений.

Иудаизм представляет историю, как историю еврейского народа под эгидой Вс-вышнего. И, конечно, можно сказать, что Вс-вышний вмешался и положил конец кровавой трагедии, после которой возродилось государство Израиль, которое может быть гарантом того, что подобное не повторится. Евреи теперь имеют выбор: жить на земле, предназначенной им Б-гом, или остаться там, где они есть. (Здесь уместно напомнить, что ортодоксальное направление иудаизма не признает государство Израиль. Они считают, что евреев на их земле должен собрать Машиах (Мессия.) Но и появление государства

Израиль не решило проблемы антисемитизма, а в какой то мере даже стимулировало его рост, и уж никак не может быть оправданием явления Холокоста.

Мне представляется, что и христианство несет ответственность за попустительство антисемитизму. Антииудейское христианское учение, обвинение евреев в убийстве Иисуса, кровавые наветы и вся полемика на протяжении веков, при том, что евреи не имели возможности даже ответить, создают у рядовых людей отрицательный образ еврея. Именно образ. А образ гораздо жизнеспособней реальности. Образы Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, Фигаро и т.п. укоренились в нашем сознании реальнее многих действительно существовавших личностей.

Со мной произошел такой случай. Во время работ по восстановлению еврейского кладбища в Петрозаводске я познакомился с ведущим специалистом мэрии по градостроительству, интеллигентным молодым человеком, с которым приятно было поговорить. Мы обсуждали проект, оговаривали детали, размечали границы кладбища, он давал профессиональные советы. И когда надо было окончательный вариант занести в официальные бумаги, он спросил: «А как мы назовем этот объект?» Я удивился и сказал: «Ну, а как? «Старое еврейское кладбище». Он поморщился, долго извинялся, объяснял, что очень хорошо относится к евреям, что среди его друзей много евреев, что его лучшими учителями в ВУЗе были именно евреи, и они хорошие врачи т.п. но... Но само слово «еврей» для него имеет **отрицательный** смысл, ассоциируется с чем-то нехорошим. Откуда у этого молодого человека, которому евреи, кроме добра, ничего не сделали, такое отношение к самому слову «еврей»? Тут есть над чем задуматься. Значит та атмосфера, в которой он формировался как личность, литература, которую он читал, круг общения – все это и утвердило в нем именно такое ощущение. А такие всем известные «перлы», как: «Ты хороший человек, хотя и еврей», «Нет, ты совсем не похож на еврея – ты хороший»? Опять вопросы. (Хотя в еврейской традиции считается, что задать хороший вопрос даже важнее ответа на него.)

Мне думается, что именно христианство, в первую очередь, должно формировать в сознании людей недопустимость человеконенавистничества, недопустимость юдофобства. Ведь именно теологический конфликт – считать Иисуса мессией или нет, положил раздел между евреями и христианским миром. И то, что Иисус был евреем (что, кстати, далеко не все христиане знают, а уж православных просто трясет, когда им об этом напоминаешь), только усугубляет проблему. Может быть, где-то на подсознательном уровне у антисемитов, которые считают себя христианами, присутствует мысль, что «если ваш собрат Иисус стал «христианином», то почему же вы упрямитесь?!» Отсюда, вероятно, и те дикие насильственные крещения евреев, это знаменитое «Или крестить, или топить!» И это во имя еврея – Христа! (Кстати, существует высказывание, приписываемое датскому гебраисту 18 века Вильяму Суреньусу: «Тот, кто хочет быть истинным христианином, должен стать сперва хорошим евреем». От себя в качестве шутки могу добавить: после того, как станешь хорошим евреем, может лучше остановиться?)

Христианская Библия разделена на две части – Ветхий завет и Новый завет. Я не знаю, как это звучит по-немецки, но в русском языке само понятие «ветхий» имеет оттенок дряхлости, чего-то пришедшего в негодность, в отличие от «нового», молодого. Уже в этом видится угол зрения на Священное писание. У любого, открывающего Библию, сразу возникает образ «старого» и «нового», и это, естественно, экстраполируется на тех, кто не признает Нового завета, то есть, на евреев. Так и возникает образ старых, цепляющихся за то, что давно устарело, отсталых евреев. (Любопытно, что марксизм тоже утверждал, что он, марксизм, передовое учение, в отличие от капитализма, который одряхлел и вот-вот загниет, и победа коммунизма неизбежна, ибо это диалектика. Правда, при любых аналогиях существует опасность «перекосов».) Я могу сказать даже больше - в таком контексте даже читать Ветхий завет незачем, что и происходит со многими, считающими себя христианами, не про вас будет сказано. Может быть, с этого и начинается нелюбовь к евреям. Мне кажется, долг христиан стараться побороть в себе этот стереотип и попытаться понять, почему евреи

остались евреями. Понять, что *тот* Завет, заключенный Вс-вышним с евреями – *вечный* Завет, и для еврея не может быть никакого «нового». Поэтому еврей, отказавшийся от этого Завета, перестает быть собственно евреем. У Гете в «Годах странствий Вильгельма Мейстера» есть фраза: «Израиль – самая упорная нация в мире: она есть, была, и будет прославлять имя Иеговы в веках». Тут трудно что-либо прибавить. Мне кажется, если бы Б-г хотел сделать всех людей одинаковыми, он бы так и сделал. Тогда человечество выглядело бы монохромно, как на черно-белой фотографии. А человечество – это многокрасочное мозаичное панно, сотворенное вдохновением Вс-вышнего, где каждому созданию есть место. Конечно, можно отбить или отковырнуть кусочек этого полотна, и общая картина, вроде бы, останется такой же, но уже будет какая-то шербинка, какой-то дефект. Недаром сейчас столько усилий прилагается для восстановления вымирающих видов животных, растений, спасению рек, озер. Наконец человечество начинает понимать цельность этого мира, цельность Его Замысла.

Поскольку я говорю с друзьями, я позволю себе выразить может быть спорное мнение – вы меня поправьте – но мне кажется, утверждение христиан о том, что спастись можно лишь уверовав в Христа, приводит к желанию сделать христианами тех, кто в этом не очень нуждается. Я отдаю себе отчет, что это делается из лучших побуждений. Но все же, наверное, (извините за грубое выражение, но эта фраза Игоря Губермана уже стала русским фольклором) «тащить в рай за яйца» не самый удачный способ улучшить мир.

Иудаизм же утверждает, что праведники других религий тоже наследуют царствие Б-жье. Для этого не обязательно быть иудеем. Мало того, если человек хочет перейти в иудаизм, долг иудея объяснить ему, что лучше быть праведным неевреем и исполнять 7 заповедей для народов мира, чем не исполнить хоть одну из 613 заповедей, предназначенных для исполнения еврею.

Тут я позволю себе сказать несколько слов об отношении евреев к Иисусу.

Как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, Иисус был еврейским проповедником, которых в те времена было много. Это обусловлено тем, что существовала традиция передачи толкования Торы путем устного изложения от учителя к ученикам. Дело в том, что на Синае евреи получили не только письменную Тору, которая была записана, но и устную, на запись которой был наложен запрет. Устная Тора дополняла, интерпретировала Письменную, объясняла неясные места. Она заучивалась наизусть и таким образом передавалась из поколения в поколение. Считалось, что такая живая передача точнее, чем записанный текст, так как учитель имел возможность убедиться в том, что ученик правильно понял заучиваемое место, и только потом идти дальше. Лишь впоследствии, после разрушения Второго Храма в 70 году и изгнания евреев из своей страны, Устная Тора была записана, что и составило Талмуд. Передавая текст своим ученикам, учитель кроме этого мог добавлять, для лучшего понимания, свою интерпретацию. В Талмуде зафиксированы мнения и высказывания различных Мудрецов и школ, порой прямо противоположные по смыслу. Таким учителем и был, по описаниям, Иисус. Его могли считать пророком, так как он многие вещи говорил не от своего имени, а от имени Б-га. Он, очевидно, был *прушим* (фарисеем), что означает сторонящийся нечистоты. Ранняя иконография, примерно до 4 века, так и изображала Иисуса с головным *тфиллин* – коробочкой с отрывками из Торы, которую накладывают на лоб во время молитвы. Тогда понятны его слова из Нагорной проповеди: «Не думайте, что я пришел нарушить закон (т.е. Тору) или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота, или ни одна черта не пройдет из закона, пока исполнится все». (Матф. 5:17, 18) Раввин Адин Штейзальц написал: «Можно сказать, что если бы Иисус воскрес, он скорее бы отправился в синагогу, чем в церковь, которую принял бы за языческий храм». Все, что произошло потом – это другая тема.

Мне кажется, точно определил отношение евреев к Иисусу американский священник Чарльз Просперо Фаньяни (1854-1940) в работе «Христианин и еврей»: «Еврей верует в религию Иисуса; еврей не в силах заставить себя уверовать в религию об

Иисусе». Или Генрих Гейне, со свойственной ему иронией: «Пристать к Христу – задача для еврея слишком трудная: сможет ли он когда-нибудь уверовать в божественность другого еврея?»

Особый разговор об отношении к евреям православной церкви. Эти отношения всегда отличались нетерпимостью. Мне трудно понять, чем это вызвано. Сейчас в России получает широкое распространение русский вариант фашизма. Антисемитская литература, периодические издания, публичные выступления – вся эта грязь повторяет уже пройденный путь нацистов. Законов, противостоящих этому нет. Хотя к закону в России традиционно особое отношение – «Закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло», или известная фраза, произнесенная в прошлом веке: «Глупость российских законов компенсируется их невыполнением». На этом фоне особую роль играют средства массовой информации и все то, что формирует человеческое сознание – ту почву, которая или примет, или нет посеянное. Надо отдать должное – радио, пресса, телевидение в этой ситуации зарекомендовали себя достойно. Хуже обстоит дело с Православной церковью. Русские нацисты объявляют себя истинно православными, и их антисемитская демагогия, в большой мере, замешана на этом. (Главарь отделения РНЕ – Российское национальное единство Баркашова – в Петрозаводске имеет чин дьякона.) Русская церковь ни разу не выступила против этого. Мало того, известны случаи антисемитских проповедей в церквях, и многие выступления в печати представителей православного духовенства пахивают когда скрытым, а чаще и откровенным антисемитизмом. Аргументация несложная: «мировой заговор против православной России», «сионисты захватывают власть», «мировое зло ополчилось на Святую Русь», снова всерьез цитируют «Протоколы сионских мудрецов» и всякая подобная чушь. Над этим, конечно, можно посмеяться, если не знать, к чему это может привести. Русский философ Владимир Соловьев писал в 1890 году: «Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляет чувства справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала нашей жизни. Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России!» (Как современно это звучит!) Дело не только в антисемитизме русского православия. Сейчас московская Патриархия, созданная Сталиным в 1943 году, рвется во власть. Генерал Владимир Шатохин из Академии Генштаба в 1996 году заявил: «Народ развращен ложным пацифизмом (!) и не научился еще любить наше благословенное православное оружие!» (Ни мало, ни много.) Священник Глеб Якунин, председатель Общественного комитета защиты свободы совести, с большой душевной болью пишет: «Верхом кощунства прозвучала идея, что, поскольку советские ракеты делались в Арзамасе-16, то живший в этих местах веком раньше преподобный Серафим Саровский является небесным покровителем оружия массового уничтожения. Более того, в ряде выступлений ракеты, предназначенные для уничтожения миллионов мирных граждан, были названы **«нашими ангелами-хранителями»**.

Взрывы у синагог в Москве и Екатеринбурге, заложенная бомба в московском еврейском театре «Шалом», убийство тринадцатилетней девочки-еврейки в Боровичах – чего еще ждать? Я думаю, поджег офиса общества «Запад-Восток» в Петрозаводске в этом же ряду. Почему власть бессильна против этого? Может, занята чем-то другим? А может, ей это на руку? Почему русская православная церковь, претендующая на роль духовного пастыря русского народа, молчит, не замечая этого? Опять вопросы...

И все же не все плохо в этом мире. Ваша община совершила акт, которому, как мне кажется, нет прецедента. Вы, христиане, фактически создали в далеком от вас Петрозаводске иудейскую общину. И сделали это не для того, чтобы потом попытаться превратить евреев в христиан, а для того, чтобы евреи могли вновь стать евреями! Сам факт этого, еще не оцененный ни в христианском мире, ни у евреев, может стать началом

грандиозного пересмотра всех взаимоотношений между различными религиями. Вы указали путь, по которому можно и нужно идти, отбросив накопившиеся в течение столетий предрассудки. Ведь нигде, ни у христиан любых направлений, ни у евреев, нет запрета на великодушие, на уважение других воззрений, на творения добра. Мы живем на одной Земле, все сотворены по «образу и подобию Б-жьему», большинство проблем, с которыми мы сталкиваемся в жизни, общие – значит, и решать их легче вместе. Мало того, многих проблем просто не будет, если мы будем вместе!

В Псалме есть такие слова: «Пусть тот, кто стремится к долголетию, кто желает видеть добро во все дни свои, удержит язык свой от злословия и уста свои – от лживых речей. Пусть удалится от зла и творит добро; стремится к миру и добивается его» (Теһелим, 34: 13-15). А французский философ Анри Бергсон (1895-1941) сказал: «Мы существуем лишь тогда, когда действуем». Прислушаемся к этим словам.

Дмитрий Цвибель

Доклад прочитан в общине Дитрих-Бонхоффер (Тюбинген) 13 июля 1999 года.

Михаэль Фолькман

Хроника наших отношений, годы 1995 – 2005

Год 1995

Конец ОКТЯБРЯ: По инициативе Данкварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана христиане Тюбингена начали сбор пожертвований на Свиток Торы для евреев в городе-партнере Петрозаводске. Там существует еврейский культурный центр, но нет религиозной общины. Поддержка поступает не только от многих частных лиц, но и от проекта «Мировой этос», от акции «Надежда для Восточной Европы» в рамках благотворительной деятельности христианских общин в Вюртемберге, от Евангелического товарищества (церковное братство) Вюртемберга и от «Круга христианско-еврейских встреч в Денкендорфе».

Год 1996

АПРЕЛЬ: Деньги на свиток Торы собраны. Ее покупают в С.-Петербурге. Евреи Петрозаводска создают признанную государством религиозную общину.

ИЮЛЬ: В Большой Хоральной синагоге Санкт-Петербурга в присутствии тюбингенских гостей Данкварта-Пауля Целлера и Лоры Ауэр и официальных представителей Германии, Израиля и Евангелической церкви Германии Свиток Торы торжественно передается еврейской общине Петрозаводска и отправляется туда. С этой поры в синагоге Петрозаводска субботние чтения (Шаббат) производятся прямо со Свитка Торы.

ИЮЛЬ – АВГУСТ: Официально зарегистрированная Тюбингенская региональная группа «Искупление – служба миру» в течение нескольких недель приводит в порядок еврейское кладбище в Петрозаводске настолько хорошо, что город отказывается от планов отчуждения этой территории.

Для документального подтверждения акции «Свиток Торы для Петрозаводска» отдел благотворительной деятельности христианских церквей в Вюртемберге выпускает иллюстрированный журнал.

Год 1997

ЯНВАРЬ: При церкви им. Дитриха Бонхёффера в Тюбингене создается Рабочая группа «Встречи с еврейской общиной в Петрозаводске». Рабочая группа закрепляется в составе

«Рабочей Ассоциации Христианских церквей» Тюбингена (РАХЦ). В состав группы входят члены многих церковных общин Тюбингена.

ИЮНЬ: Четверо тюбингенцев (Мария Адельман, Гельмут Барт, Данкварт-Пауль Целлер, Михаэль Фолькман) едут в Петрозаводск. В Санкт-Петербурге они посещают синагогу и имеют беседу с главным раввином Певзнером.

ИЮЛЬ: Пятеро представителей еврейской общины Петрозаводска посещают Тюбинген (Юрий Гольденберг, Ефим Левин, Александр Модылевский, Владимир Мотин, Дмитрий Цвибель).

ДЕКАБРЬ: Акция по отправке посылок для социально незащищенных членов еврейской общины Петрозаводска в кооперации с Тюбингенским отделением Баден-Вюртембергского общества «Запад-Восток». Еврейская община учреждает фонд «Хэсэд Агамим»¹⁹.

Год 1998

ЯНВАРЬ: Рабочая группа принимает решение о своем участии в планах реконструкции Площади синагоги в Тюбингене. С этого времени Михаэль Фолькман - ее представитель в проектной группе «Памятник на Площади синагоги».

ВЕСНА: Член Рабочей группы Кристофер Зельбах проводит в Петрозаводске два месяца и принимает участие в праздновании Песаха и в переезде из старой синагоги в новую на пл. Ленина.

ИЮНЬ: Семеро членов Рабочей группы едут на праздник города в Петрозаводск (Мария Адельман, Лора Ауэр, Гельмут Барт, Гизела Глазер, д-р Курт Зюттерлин и Ульрика Эльстнер-Зюттерлин, Данкварт-Пауль Целлер). Их сопровождает Трауте Зоммер, которая в 1945 году шестнадцатилетней девушкой была депортирована из Восточной Пруссии в Карелию на принудительные работы и теперь посещает мемориал своего лагеря в Падозере.

Тюбингенский обер-бургомистр д-р Ойген Шмид наносит визит в синагогу и получает от Димы Цвибеля символическое пожертвование в размере 100 долларов для передачи на реконструкцию Площади синагоги в Тюбингене.

ОКТАБРЬ: При нашем посредничестве в Петрозаводске проходит «Неделя изучения Торы» с наставниками из Израиля. Финансирование берет на себя организация «Круг христианско-еврейских встреч в Денкендорфе». На празднике Торы в синагоге людей больше, чем когда бы то ни было.

ДЕКАБРЬ: Акция по отправке посылок в Петрозаводск для социально незащищенных из еврейской общины, поддержанная обществом «Запад-Восток».

Год 1999

ИЮНЬ: Участие Рабочей группы в «Ярмарке возможностей», организованной Штутгартским церковным съездом в информационном павильоне «Вюртембергской базисной инициативы «Христиане и иудеи»».

ИЮЛЬ: Приглашение четырех представителей еврейской общины Петрозаводска (Михаил Бравый, д-р Юрий Рыбак, Дмитрий Цвибель, Светлана Виноградова) для участия в Тюбингенском празднике города «10 лет партнерства городов Тюбинген – Петрозаводск». Проведение первого христианско-иудейского семинара с совместной проработкой Недельной главы Торы и докладом Дмитрия Цвибеля «Горький дым холокоста». Программу пребывания щедро финансировал «Фонд 'Мировой этос'». Благодаря контактам с Немецким Институтом врачебной миссии НИВМ (DIFÄM) осуществлена пересылка значительного количества медикаментов. Гости представили проект строительства новой синагоги для Петрозаводска, возможность реализации которого будет рассматриваться.

---

¹⁹ Благотворительная организация, от библ. Хэсэд – самоотверженная любовь, не зависящая от обстоятельств, не обусловленная природой – прим. пер.

ДЕКАБРЬ: Акция по отправке посылок для еврейского Культурного центра «Шалом» в Петрозаводске при поддержке общества «Запад – Восток».

Год 2000

ИЮНЬ: Поездка группы из четырех человек из Тюбингена в Петрозаводск (Юлита Хуф, Гельмут Барт, д-р Ренэ Шмитт-Кип, Михаэль Фолькман). Они снова везут пожертвования и важные медикаменты из «НИВМ – аптеки мира». Беседы с пастором лютеранской общины и заместителем архиепископа православной церкви.

9-е НОЯБРЯ: После трехлетнего гражданственного труда проектная группа «Памятник: Площадь синагоги» достигла своей цели: художественное оформление Площади синагоги в Тюбингене завершено. Вызвавший дискуссии текст «Локальная история 1938 -2000» в витрине композиции укрепляют годом позже.

ОСЕНЬ: В обмен на участок, где 70 лет назад находилась сгоревшая синагога, еврейская община в Петрозаводске получает в центре города земельный участок под строительство планируемой новой синагоги.

ДЕКАБРЬ: Вместо посылок для еврейской общины Петрозаводска отправляется финансовая помощь, благодаря которой нуждающимся можно оказать прямо на месте более эффективную поддержку.

Год 2001

ИЮЛЬ: Визит пяти представителей еврейской общины Петрозаводска (проф. д-р Марк Буркин, Ольга Харина, Михаил Бравый, Дмитрий Цвибель, Светлана Виноградова) в Тюбинген при поддержке официально зарегистрированной организации «Фонд Западно-Восточных встреч» в Берлине. Снова совместное изучение Недельной главы из Торы. Первая встреча наших гостей с евреями, проживающими в Тюбингене. Пасторам Данкварту-Паулю Целлеру и Михаэлю Фолькману присваивается звание Почетных членов еврейской общины Петрозаводска. Рабочая группа благодарит гостей за их поддержку памятника «Площадь синагоги» вручением «строительного камня» - квадрат № 99 из стального куба памятника.

Год 2002

ФЕВРАЛЬ: «Денкендорфский Круг христианско- иудейских встреч», который регулярно поддерживает наши встречи, организует и финансирует следующую «Неделю изучения Торы» в Петрозаводске, посвященную празднику Пурим. По возможности поддерживается ежегодный ритм встреч. Мы испытываем симпатию к планируемому проекту строительства в Петрозаводске новой синагоги и, где возможно, оказываем ему практическую поддержку. Пересылка медикаментов в настоящее время стала невозможной из-за предписаний русской таможни.

МАРТ: Из письма Дмитрия Цвибеля о «Неделе изучения Торы» 3-его марта 2002 г.: «Аси и Рут Каниэль приобрели за эту неделю много друзей. Они провели занятия с детьми и взрослыми и праздник Пурим в воскресной школе, кроме того, Шаббат в «Хэсэд Агамим» (благотворительный фонд) и в Молодежном клубе, встречу с пожилыми людьми в Дневном центре фонда «Хэсэд», а также встречу с участниками программы «Мазл Тов», с родителями и их маленькими детьми. Аси провел очень хорошую субботнюю службу в синагоге. На праздник Пурим в синагоге собралось 55 человек. На один из проводившийся ими праздник пришло 200 человек. Богатая программа за столь короткое время! Для нас это был прекрасный и добрый подарок».

ИЮНЬ: Группа «Клезморим» дает в Тюбингенской монастырской церкви Штифтскирхе бенефисный концерт в пользу еврейской общины в Петрозаводске, на котором присутствовала почти тысяча человек.

27-е ИЮНЯ – 3-е ИЮЛЯ: Данкварт-Пауль Целлер, д-р Ренэ Шмитт-Кип, Юлита Хуф и Михаэль Фолькман едут в Петрозаводск. Они привозят грамоту, подтверждающую посадку двенадцати деревьев в Израиле в честь еврейской общины Петрозаводска, книгу с

фотографиями из жизни общины им. Бонхёффера и с подписями 250 передающих привет тюбингенцев, прибор для измерения давления, медикаменты и выручку от концерта «Клезморим» в сумме 2 082 евро, а также другие добровольные пожертвования. Член Рабочей группы Гельмут Барт, долгое время служивший дьяконом в Тюбингенской общине Св. Стефана, не может принять участие в поездке из-за болезни. Совершенно неожиданно он умирает в возрасте 67 лет 29-го августа 2002 г.

ОСЕНЬ/ЗИМА: Мысль об организации межконфессионального молодежного обмена между Петрозаводском и Тюбингеном поначалу, как кажется, имеет успех, но не доходит до своего воплощения.

РОЖДЕСТВО: Пожертвования для еврейской общины в Петрозаводске отправляются с транспортом общества «Запад – Восток». После этого отправка грузов с материальной помощью прекращается.

ГОД 2003

ЯНВАРЬ: «Общинный вестник» № 55 из Петрозаводска сообщает об антисемитских надписях в городе. Карельский журнал «Север» по частям публикует антисемитский роман Чебалина «Безымянный зверь». Еврейская община заявляет свой протест.

26-е ИЮНЯ – 1-е ИЮЛЯ: На празднование 300-летнего юбилея города Петрозаводска отправляется группа из Тюбингена: д-р Курт Зюттерлин, Ульрика Эльстнер-Зюттерлин, Инга Даренберг, Михаэль Фолькман.

ОСЕНЬ/ЗИМА: Дмитрий Цвибель принимает участие в двух курсах повышения квалификации по три месяца каждый в Еврейском университете Иерусалима, защищает свой проект «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича» и получает сертификат.

Год 2004

ИЮЛЬ: Визит четырех представителей еврейской общины из Петрозаводска: Дмитрий Цвибель, Семен Шахник, Мария Ицковская, Владимир Ермаков. В связи с 80-летием Данкварта-Пауля Целлера, отца идеи о партнерстве городов и партнерстве с еврейской общиной, бургомистр Веймер вручает ему почетные грамоты Главы Республики Карелия Сергея Катанандова и мэра Петрозаводска Виктора Маслякова. Программа пребывания включает посещения синагог (Хехинген, Хайгерлох), участие в богослужениях в Штутгартской синагоге и в церкви им. Дитриха Бонхёффера, открытый семинар на тему Десяти заповедей в еврейской традиции, классный час на русском языке в Свободной Вальдорфской школе в Тюбингене и многочисленные встречи со старыми и новыми друзьями. Дима Цвибель преподносит хозяевам мезузу²⁰. Ей придется оставаться в церкви им. Дитриха Бонхёффера до тех пор, пока она не сможет вернуться в Петрозаводск на дверь синагоги, которую предстоит построить.

ОСЕНЬ: Книга Данкварта-Пауля Целлера «Кафе 'Талерея' » выходит в переработанном третьем издании с предисловием Вальтера Йенса. В тюбингенском журнале «Евангелическая церковь в городе» перепечатывается статья Михаэля Фолькмана «Торе необходим свой дом. Следующий шаг в отношениях с еврейской общиной в Петрозаводске», содержащая призыв к пожертвованиям на строительство синагоги. В Петрозаводске публикуется научное исследование Димы Цвибеля «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича».

Год 2005

ЯНВАРЬ-МАРТ: Учащиеся Свободной Вальдорфской школы Тюбингена проходят социальную практику в Петрозаводске. Среди них – Зильке Такач, дочь нашей активистки

---

²⁰ Мезуза – кусок пергамента, на котором написаны стихи из Второзакония. Свернутый свиток помещается в деревянный или металлический футляр и прикрепляется к косяку дверей, напоминая верующим, как следует вести себя дома и вне его. Многие считают мезузу магическим средством, способным уберечь верующих от несчастий – прим. пер.

Сильвии Такач. Три месяца они проводят в городе, а также углубляют отношения и с еврейской общиной, и с ее Молодежным клубом.

ЛЕТО: Туристская группа из Берлина/Шёнеберг при посредничестве Пауля Целлера посещает еврейскую общину в Петрозаводске.

СЕНТЯБРЬ: 7-го сентября Рабочая группа «Встречи с еврейской общиной в Петрозаводске» принимает «Призыв к церквям всех конфессий в нашей стране о признании 9-го ноября Днем памяти и покаяния».

ОКТАБРЬ: Независимо от христианско-еврейских контактов с Россией группа евреев из Тюбингена и окрестностей 28 октября 2005 года впервые встречается в общинном центре церкви им. Дитриха Бонхёффера, чтобы вместе провести Онег Шаббат. Инициатор – проживающий в Тюбингене американец Марти Потроп. В организации встречи участвует университетский пастор г-жа Хайди Абэ. В течение 2006 года группа оформляется в официально зарегистрированную организацию «Бустан Шалом».

НОЯБРЬ: Рабочая группа усиленно готовится к проведению в тюбингенской Штифтскирхе мероприятия в память о ноябрьском погроме 9-го ноября 1938 года. В «Общинном вестнике» № 88 еврейской общины в Петрозаводске появляется тюбингенская декларация, призывающая к признанию «Дня памяти и покаяния» по-немецки и по-русски со словами признания от Димы Цвибеля.

ДЕКАБРЬ: После предварительных обсуждений в семи евангелических церковных общинах Тюбингена Общинный Совет объединенных церквей единогласно голосует за признание декларации «Дня памяти и покаяния».

Год 2006

ФЕВРАЛЬ: 1-го февраля умирает Вадим Мизко. Будучи несовершеннолетним, Мизко находился в различных концлагерях. Он выжил и поставил свою жизнь на службу памяти и примирения. В Петрозаводске он стал привлекать общественное внимание к заброшенным местам захоронений погибших во время войны и сталинской тирании. Его заботами созданы следующие мемориалы: мемориал жертвам сталинских репрессий (в лесах вокруг Петрозаводска), погибшим в финских лагерях для пленных (мемориал в Песках), мемориал в честь 1200 немецких солдат, погибших в лагерях для военнопленных (Пески), а также в честь молодых женщин из немецких диаспор в восточных областях, депортированных после войны для принудительных работ в Карелию и погибших здесь (мемориал Падозеро). Мизко был председателем объединения малолетних узников концлагерей. В Петрозаводске он основал первый в России музей памяти Жертв фашизма с отделом Холокоста и назвал его именем Максимилиана Кольбе²¹. Благодаря ему, в его квартире в 1995 году впервые встретились Данкварт-Пауль Целлер и Дмитрий Цвибель, что послужило импульсом к созданию Петрозаводской еврейской религиозной общины. Не будучи членом еврейской общины, Вадим Мизко с большим энтузиазмом сопровождал наши христианско-иудейские встречи в Петрозаводске.

Антисемитские выпады в России заставляют представителей еврейской общины в Петрозаводске обратиться к карельскому МВД. На повестке дня оказывается вопрос, какие конкретные меры могли бы способствовать толерантности в российском обществе.

ИЮЛЬ: Восемь членов Рабочей группы едут на празднование десятилетия со дня основания еврейской общины в Петрозаводске (Лора Ауэр, Штефан Глазер, Оттмар и Роза Майер, д-р Курт Зюттерлин и Ульрика Эльстнер-Зюттерлин, Михаэль Фолькман и Данкварт-Пауль Целлер). Они передают приветия, среди прочего и от обер-бургомистра г-жи Русс-Шерер и от проф. д-ра Ханса Кюнга из Фонда «Мировой этос», и пожертвования из Тюбингена, в частности, на запланированное строительство синагоги.

---

²¹ Кольбе, Максимилиан (1894 – 1941) – польский монах-францисканец, погибший в Освенциме, добровольно отправившись на смерть ради незнакомого ему человека. В 1982 г. Папа Иоанн Павел II причислил его к лику святых. Он считается небесным заступником наркоманов, политзаключенных, и правозащитников – прим. пер.

24-го июля 2007 года в мэрии Петрозаводска проходит учредительное заседание «Межконфессионального Круглого стола» Карелии, инициатором которого выступила еврейская община. Участники Круглого стола – евреи, христиане, мусульмане – подтверждают свое стремление к систематическому обмену мнениями и сотрудничеству. АВГУСТ: «Общинный вестник» № 97 еврейской общины Петрозаводска выходит в виде специального выпуска, где с помощью многочисленных фотографий подводится итог первому десятилетию существования заново основанной общины и многочисленным встречам с христианами из Тюбингена.

ОКТАБРЬ: 29-го октября 2006 года Ефим Левин, чтец Торы в еврейской общине Петрозаводска, празднует свое 90-летие. Рабочая группа шлет ему свои сердечные поздравления и пожелания. Ефим Левин был в составе первой группы из Петрозаводска, посетившей общину им. Дитриха Бонхёффера летом 1997 года. Волнующим воспоминанием остается тот момент, когда он в церкви им. Дитриха Бонхёффера под конец службы произносил благословение коэнов на иврите.

НОЯБРЬ: В год, носящий имя Бонхёффера, в проведении торжественной акции в память 9-го ноября 1938 года в Тюбингенской Штифтскирхе принимают участие конфирманты²² общины Дитриха Бонхёффера.

13-е НОЯБРЯ: Синод церковного округа Тюбингена присоединяется к призыву признать 9-е ноября официальным церковным Днем памяти и покаяния. Согласие выражают также церковный Синод Леонберга и окружной церковный комитет Мюнсингена. 28-го ноября 2006 г. в Хехингене Данкварт-Пауль Целлер и Михаэль Фолькман передают призыв к признанию 9-го ноября официальным церковным Днем памяти и покаяния председателю Немецкой конференции епископов кардиналу д-ру Карлу Леману.

ДЕКАБРЬ: Михаэль Фолькман встречается в Иерусалиме с Милой Бравой, дочерью Вали и Миши Бравых.

Год 2007

МАРТ: 17-го марта 2007 г. пятнадцать участников церковного съезда из трех больших районов, где происходило обсуждение, подают заявку в Евангелический земельный синод Вюртемберга о том, чтобы 9-е ноября было объявлено Днем памяти и покаяния и чтобы этот день был признан также и другими церквами. Заявка направляется в Комитет по миссионерской деятельности и делам экуменического движения и в 2007 году должна опять появиться на повестке дня.

Рабочая группа готовится к приезду представителей еврейской общины Петрозаводска в июле в Тюбинген (ожидаются проф. д-р Валентина Двинская, Дмитрий Генделев, Мария Гончарук, Дмитрий Цвибель).

---

²² Конфирмация – у протестантов обряд приобщения к церкви юношей и девушек по достижении ими 14-16 лет – прим. пер.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЕ г. ПЕТРОЗАВОДСКА

Ровно десять лет тому назад христиане Тюбингена передали еврейской общине в Петрозаводске совершенно особый дар: Свиток Торы, чтобы благодаря ему община смогла возобновить богослужения в собственной синагоге. По этому поводу мой предшественник д-р Ойген Шмид напомнил об ужасающем историческом опыте, трагически связывающем оба наших народа друг с другом: выселение, изгнание и физическое уничтожение евреев, ликвидация еврейских общин в Германии и Европе нацистским режимом. Жертвами национал-социалистской машины уничтожения и ее приспешников стали, в первую очередь, восточноевропейские народы; нападение на Советский Союз летом 1941 года обернулось страданием и смертью, бегством и изгнанием также и для народов России.

С тех пор в Европе произошло много перемен, в том числе и в отношениях между нашими народами. Прежде всего, в последние полтора десятилетия мы стали свидетелями метаморфоз, которые в течение длительного времени мы не могли себе даже вообразить. Народы Восточной Европы сбросили иго диктатуры; существовавшие до этого времени, крепко спаянные мировые политические блоки распались; а мы, немцы, в течение последних десятилетий поделенные между этими блоками, можем радоваться мирному воссоединению нашей страны. Но именно пути развития последних лет продемонстрировали, что история больше не отпускает нас от себя и что мир это очень хрупкое достояние. Преобразования принесли с собой и новые проблемы: вспомните только о событиях в бывшей Югославии, о гражданских войнах и конфликтах в Азии и Африке и, в первую очередь, о терроризме, который уже унес десятки тысяч невинных жизней, как это ни прискорбно, часто прикрываясь авторитетом религии.

Все это доказывает, что несправедливость и война не искоренены. И как раз для людей двух наших стран события прошлого, все еще причиняющие боль, неизменно остаются одновременно и вызовами, и уроками. Сближение, которое в последние годы установилось между гражданами России и Германии должно настраивать нас на оптимистический лад. Оба наших города – и Петрозаводск, и Тюбинген – также принимали в этом процессе самое непосредственное участие: от официального партнерства протянулась цепочка множественных неофициальных контактов и встреч вплоть до многочисленных и интенсивных знакомств между петрозаводчанами и тюбингенцами. Меня очень радует то, что и немецко-еврейская история была интегрирована в построение будущего на партнерских основах. Этим мы обязаны усилиям преданных, ответственных людей как с той, так и с другой стороны: еврейскому культурному центру «Шалом», еврейской общине Петрозаводска и большому кругу христиан Тюбингена, сплотившихся вокруг пасторов Данкварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана. Именно они и есть те люди, которые десять лет тому назад своими беспримерными благотворительными акциями способствовали реализации мечты евреев в Петрозаводске о возможности иметь Свиток Торы, а, следовательно, создать основы для возобновления жизни еврейской общины. Для всех нас эта гражданская инициатива, родившаяся спонтанно, из частных бесед нескольких людей, может служить примером того, как побратимство городов на официальном уровне пробуждает дружественные, живые и личные отношения между людьми.

---

²³ В период 1999 – 2007 г.г. Бригитта Русс-Шерер была обер-бургомистром университетского города Тюбинген

То, что в свое время христиане Тюбингена поддержали карельских евреев в построении их общины, является показателем теплоты взаимоотношений между общинами. Этот дар был выражением внимания и уважения, преодолевающих любые политические, идеологические и религиозные барьеры. Граждане нашего города приняли на себя ответственность за свое прошлое и даже в годы «железного занавеса» продолжали видеть по ту его сторону братьев и сестер, с которыми они были готовы трудиться во имя общего будущего наших народов.

Десять лет назад цель состояла в том, чтобы вместе с Торой и возобновлением богослужений в синагоге дать возможность расти и процветать еврейской идентичности и еврейской общине в Карелии. Как мы видим сегодня, эта цель достигнута. Вместе с основанием первой со времен второй мировой войны синагоги в России - как это, кстати, выяснилось впоследствии - открылась возможность не только для богослужений. Теперь – особенно для детей и молодежи – осуществилась возможность сознательного приобщения к религиозной традиции предков, к древней литургии, к толкованию Торы и к участию в еврейских праздниках, чья история насчитывает тысячелетия. Еврейская идентичность в Карелии, на протяжении долгих лет загнанная в подполье, теперь смогла существовать открыто. Мы еще и сегодня разделяем ту великую радость и благодарность, которые в свое время ощущались участниками проекта, и они возрастают по мере того, как мы наблюдаем, какое воздействие оказала эта акция на отношения карельских евреев и тюбингенских христиан и даже на отношения наших городов в целом. Позади десять лет дружбы между петрозаводскими евреями и тюбингенскими христианами, многочисленные интенсивные контакты и встречи, дружеские отношения, возросшие на почве регулярных визитов, общих торжеств и проектов, а также действенной помощи. Невзирая на все трудности и препятствия, мы шли к общей цели: не упускать из виду, уважать и поддерживать жизнь еврейской общины в Карелии.

Благодаря подаренной Торе еврейская община в карельской столице обрела новую жизнь: 1200 евреев в Петрозаводске вновь обрели свою идентичность, свою веру и свою культуру. «Тора соединяет людей», - так гласит строка из письма, полученного из Петрозаводска десять лет назад, и это правильно: карельские евреи снова объединились. Помимо общих богослужений был основан фонд помощи нуждающимся в благотворительной помощи. Также появилась возможность заняться реставрацией старого еврейского кладбища.

Получила развитие – об этом можно сказать с уверенностью – культура встреч между членами Петрозаводской синагоги и тюбингенскими христианами различных конфессий, которая существует вот уже десять лет и не имеет аналогов внутри самой Германии. Диалог религий, преодоление национальных границ нашли здесь свое самое прямое воплощение. Но мы не останавливаемся на достигнутом. В числе важнейших планов на будущее – постройка отдельного здания для петрозаводской синагоги. Место для строительства город уже выделил; строительство разрешено. Теперь в первую очередь требуются огромные средства, чтобы реализовать этот проект. Университетский город Тюбинген и его граждане будут этот проект поддерживать. Я убеждена, что рабочая группа Тюбингена «Встречи с еврейской общиной в Петрозаводске» и здесь сможет сделать свой добрый вклад. Начало положено: в Штифтскирхе (монастырской церкви) Тюбингена уже висит фотография строительного участка и призыв к пожертвованию.

Передача в дар Торы десять лет тому назад изменила не только жизнь общины евреев в Карелии, но, как мне стало известно, получила широкий резонанс в обществе. Люди, принимавшие и принимающие участие во встречах с еврейской общиной в Петрозаводске, имели возможность снова и снова выступать с важными инициативами. Я надеюсь, что

эти плодотворные встречи продолжатся и в будущем. Пусть еврейская община в Карелии растет и процветает – Тюбинген всегда готов оказать ей свою помощь.

Тюбинген, в июле 2006 г.

Бригитта Русс-Шерер,
Обер-бургомистр

**Бригитте Русс-Шерер
Обер-бургомистру г.Тюбингена**

Глубокоуважаемая г-жа Русс-Шерер

Позвольте мне от имени евреев Петрозаводска, которых я имею честь представлять, и от себя лично выразить Вам глубокую благодарность и признательность за Ваше участие в праздновании десятилетия нашей общины.

Это закономерно, что Вы, глава города, подарившего евреям некогда далекого от вас Петрозаводска, Свиток Торы – самое священное, что может быть у еврея, кроме самой жизни (хотя по еврейскому мировосприятию Тора – это и есть жизнь), разделяете нашу радость. Великий немецкий поэт Генрих Гейне назвал Тору «портативной родиной евреев», и где бы ни находился еврей, волею Вс-вышнего, да будет Имя Его благословенно, удаленный от родины, он чувствует себя связанным с ней, благодаря именно Торе. Свиток Торы – это не просто великая Книга: это свидетельство Завета, заключенного Вс-вышним с нашим народом, Завета, который не может быть расторгнут, который гарантирует жизнь еврейскому народу и возвращение после великих испытаний и очищения в землю обетованную.

Антуан де-Сент Экзюпери устами своего героя сказал, что «мы ответственны за того, кого приручили». Дарование жителями вашего города Свитка Торы нашей общине наложило огромную ответственность на обе стороны, как Вы отметили в своем приветственном адресе, деликатно упомянув только о своей ответственности. Но это – благословенная ответственность, ответственность, которая нас породнила. Теперь мы не просто города-побратимы, мы стали, в каком-то смысле, родственниками. Для нас действительно началось новая жизнь, открылись новые возможности, и теперь от нас самих зависит, как этим распорядиться.

Чем больше времени проходит с того памятного дня, когда состоялась встреча Данкварта-Пауля Целлера, бывшего немецкого солдата, некогда воевавшего против моей страны, со мной, русским евреем, родившемся в год окончания той проклятой войны, где был заложен краеугольный камень всего здания наших отношений, тем больше я прихожу к убеждению, что это – замысел Вс-вышнего. Симптоматично, что встреча состоялась на квартире Вадима Мизко, бывшего малолетнего узника фашистского режима, режима, провозгласившего одной из своих целей уничтожение моего народа.

Как пишете Вы, мир – это хрупкое достояние. Да, на протяжении всей истории человечества едва ли найдется период, когда на земле, в той или иной форме, не было войн. Тем большая ответственность ложится на нас, начавших новую эпоху отношений между Германией и Россией, Тюбингеном и Петрозаводском, немцами и евреями, христианами и иудеями. И мы в состоянии тот нежный саженец, посаженный нами, взлелеять и вырастить в крепкое дерево с глубокими корнями и сладкими плодами. Пришедшие после нас, будут нам благодарны, и это, в свою очередь, наложит

ответственность за сохранение мира на них. Причем мира, построенного не на «равновесии сил», и страхе друг перед другом, а за мир, построенный на мире в душах людей. Я уже как-то говорил, что человек, посмотревший в глаза другому человеку и ощутивший его тепло, никогда не будет смотреть на него через прицел автомата. Как мне кажется, именно в этом – залог настоящего мира, и именно такие отношения складываются между нами.

Вы, уважаемая г-жа Русс-Шерер, совершили благородный, глубоко символический акт, внося свой вклад в фонд строительства синагоги. Этим Вы подтверждаете, что между нами нет преград ни национальных, ни религиозных. Этим Вы подаете пример тем, кто еще не осознал, что мир – един. Что различие в цвете кожи или разрезе глаз, молитвах или обычаях, пристрастиях или политических убеждениях – все это единое величественное панно, создаваемое Вс-вышним, где каждому народу, каждому отдельному человеку (а каждый человек – это целый мир) есть свое место, свое предназначение.

На фотографии, которая хранится в нашей общине, Вы зажигаете менору – еврейский символ вечного огня во славу Вс-вышнего. Огонь амбивалентен – он может служить во благо, может нести разрушение и смерть. Огонь, который зажегся в наших сердцах, служит гарантом взаимопонимания и процветания на благо наших народов, это наш вклад в улучшение мира на благо всего человечества.

Мы ждем новых встреч с Вами.

С глубоким почтением

Дмитрий Цвибель

31 августа 2006 года
Петрозаводск

Михаэль Фолькман

Межконфессиональный Круглый стол в Петрозаводске – инициатива еврейской общины

В июле 2006 года восемь членов Тюбингенской Рабочей группы «Встречи с еврейской общиной Петрозаводска» прибыли в город-побратим Тюбингена. Их пригласила еврейская община для участия в праздновании десятилетия своего существования.

Впечатляющим свидетельством растущего уважения к еврейской общине в Петрозаводске стало проведение Межконфессионального Круглого стола. Дмитрий Цвибель, руководитель еврейской общины, сформулировал первое приглашение для представителей всех зарегистрированных религиозных объединений Карелии в следующих словах:

Петрозаводская еврейская религиозная община и евангелическая община Дитрих-Бонхоффер (Тюбинген) имеет честь пригласить Вас принять участие во встрече за Круглым столом по теме «Пути межконфессиональных отношений» на примере наших общин.

Десять лет назад общине Петрозаводска был подарен Свиток Торы, приобретенный на деньги собранные общиной Дитрих-Бонхоффер по инициативе пасторов Данктварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана, что и позволило создать еврейскую религиозную общину Петрозаводска. С тех пор между нашими общинами установились очень теплые отношения, происходят интенсивные контакты, обмен делегациями.

Этот пример сотрудничества между христианами и иудеями, немцами и евреями достоин внимания и осмысления, особенно сейчас, когда мир ищет пути решения

проблемы отчуждения, проблемы толерантного сознания и, наконец, проблемы навязывания другим чуждых понятий и убеждений.

Для нас большая честь принять Вас 24 июля в 16 часов в кабинете № 201 в помещении Администрации города Петрозаводска.

Встреча происходила по согласованию с городскими властями.

Участники:

Уполномоченная от города по связям с религиозными объединениями, г-жа Фарида Фадеева;

Русская Православная церковь: личный секретарь архиепископа Мануила г-жа Сидловская;

Ингерманландская евангелическо-лютеранская церковь: пастор Виктор Гриневиц;

Союз Христиан веры евангельской/Пятидесятники: Фёдор Акименко и еще один представитель;

Карельский корпус Армии спасения: капитан Леонид Баданин;

Церковь Святых последних дней (мормоны): Александр Шашков;

Духовный глава карельских мусульман муфтий Визам Али Бардвил и г-жа Виктория Вебер от общественной организации «Исламское просвещение»;

Еврейская община: Дмитрий Цвибель и Дмитрий Генделев;

Гости из Тюбингена: Данкварт-Пауль Целлер, д-р Курт Зюттерлин и Ульрика Эльстнер-Зюттерлин, Лора Ауэр, Михаэль Фолькман;

Переводчик: проф. д-р Валентина Двинская.

После произнесенного Дмитрием Цвибелем приветствия и представления сторон слово для доклада было предоставлено сначала Целлеру и Фолькману. Целлер сообщил об одном событии из того времени, когда он отбывал свой плен в Карелии, и которое пробудило в нем любовь к людям этой страны (см. главу «Вдова из Сарепты» в его книге «Кафе Галерея»). Главная мысль его обращения заключалась в общности происхождения всех собравшихся здесь религий или конфессий от Горы Израиля. Фолькман представил информацию о христианских церквях и других религиях в Германии и о фундаментальных изменениях в отношении к евреям, совершившихся во всех евангелических церквях земли²⁴ и в католической церкви.

В ходе дальнейшего разговора г-жа Сидловская, секретарь православного архиепископа Мануила, зачитала его приветственное обращение к собравшимся. Представители других христианских церквей и муфтий представили свои объединения и выразили решимость вести мирное сосуществование и продолжить диалог.

В заключение полуторачасового обмена мнениями мы представили Тюбингенский Фонд «Мировой этос», председатель которого проф. д-р Ханс Кюнг приготовил собственное приветствие, и раздали русский текст декларации «Мирового этоса». Фонд «Мировой этос» относится к самым первым спонсорам христианско-иудейских связей между Тюбингеном и Петрозаводском. В первую очередь, он поддерживал Дни христианско-иудейского изучения Библии, проведенные во время пребывания наших русских друзей в Тюбингене.

Первая встреча Круглого стола еще носила явный характер учредительного собрания. Все участники выразили свою заинтересованность в продолжении Круглых столов. Цвибель стремится к регулярным встречам. Он высказал пожелание, чтобы недавно созданное Министерство по национальной политике и межрелигиозным отношениям включило Круглый стол в свои задачи и чтобы участники взялись за составление манифеста карельских религиозных объединений по образцу Декларации «Мирового этоса». Для этого им нужно лучше познакомиться друг с другом и выступить перед общественностью в совместных акциях за межрелигиозное согласие. Свой призыв Дима Цвибель выразил словами рабби Гиллеля, современника Христа: «Если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?»

---

²⁴ Имеется в виду земля Баден-Вюртемберг – прим. пер.

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПЕТРОЗАВОДСКА

Предлагаемый вниманию читателей очерк является первой попыткой рассказать о 150-летней истории еврейской диаспоры города Петрозаводска. Автор ставил перед собой задачу кратко рассказать о том, когда и как появились евреи в нашем северном городе, никогда не входившим в черту еврейской оседлости, как они осваивались на новом месте и становились полноправными и достойными членами местного общества, сохраняя в то же время свое еврейство, свои обычаи и традиции, как зарождалась, развивалась и затем официально оформилась еврейская община Петрозаводска. При написании очерка автор столкнулся с крайней ограниченностью имеющихся источников. По существу единственным источником послужили архивные документы, сохранившиеся в фондах Национального архива Республики Карелия, и небольшое число публикаций в газете «Олонецкие губернские ведомости». Автор не ставил перед собой задачу осветить жизнь евреев Петрозаводска в период после 1917 г. Это совершенно другая история, и она еще ждет своего исследователя.

Первые евреи в Олонецкой губернии появились, по-видимому, в середине 40-х годов XIX в. Это были солдаты, взятые в армию по рекрутским наборам в соответствии с указом Николая I от 26 августа 1827 г., или, как их еще называли, «николаевские солдаты». Имеются документальные свидетельства того, что уже в 1845 – 1846 гг. в г. Вытегре в расквартированном там 2-м округе путей сообщения среди нижних чинов были евреи, причем в таком количестве, что военное начальство должно было разрешить им за городом «на бичевнике реки Вытегры» устроить молельню.

К этому же времени относятся и первые сведения о евреях в Петрозаводске. В Национальном архиве Республики Карелия сохранилась «Ведомость об иноверцах в г. Петрозаводске» за 1846 г., из которой следует, что в городе числилось 23 еврея. В ведомости ничего не говорится об их социальном положении, но, скорее всего, это – солдаты, проходившие службу в Петрозаводском внутреннем батальоне. Есть сведения за 1852 г. Тогда в числе 9130 жителей Петрозаводска было 22 еврея: 18 мужчин и 4 женщины – солдаты местного батальона и члены их семей.

В разные годы число служивших в Петрозаводском батальоне солдат евреев было различным, иногда достаточно большим. Так, по сведениям, опубликованным в «Памятной книжке Олонецкой губернии», в 1856 г. в Петрозаводске жило евреев 214 мужчин и 23 женщины. В 1859 г. командир батальона в рапорте губернатору писал: «В настоящее время во вверенном мне батальоне простирается военнотружущих евреев, кроме их жен и детей, сблизительно до 200 человек».

Однако всем остальным евреям жить в Петрозаводске не разрешалось. Олонецкая губерния, так назывался тогда наш край, находилась за пределами черты еврейской оседлости. Конечно, запрет проживать здесь вовсе не означал, что евреи сюда не попадали. Но всякий раз это было нарушением российских законов и влекло за собой репрессивные последствия.

Так, в декабре 1844 г. к городничему города Повенца (тогда Повенец числился городом) доставили двух евреев – мещан Витебской губернии Идея Шимсаковича Макваца, 25 лет, и его шурина Монаса Давидова Баранова. На допросе они показали, что уже второй год, как «с плакатным паспортом» отправились с родных мест, занимаясь лужением и починкой медной посуды. Они побывали в Белозерском и Кирилловском уездах, а оттуда прибыли в Олонецкую губернию. Около трех месяцев работали в Вытегре и Вытегорском уезде, затем были в Вознесенье и передвигаясь от деревни к деревне добрались до Повенца.

До сих пор их пребывание здесь внимания властей не привлекало. Но повенецкий городничий оказался чиновником бдительным. «Имея в виду предписание господина начальника губернии... о неослабном наблюдении за приезжающими евреями», он их арестовал и в январе 1845 г. отправил под охраной в Петрозаводск. При аресте у них были изъяты 12 руб. 28 ½ коп. серебром – весь их заработок.

В Петрозаводске Макваца и Баранова посадили в тюрьму. Надо полагать, они изрядно испугались, так что почти сразу по прибытии, а именно 16 января 1845 г. тут же в тюрьме написали прошение на имя губернского прокурора, в котором заявили о желании креститься и принять христианскую веру. Полтора года дело решалось в духовной консистории и закончилось тем, что они были в июне 1846 г. крещены в здешнем Петропавловском соборе и получили новые имена и фамилии.

Конечно, не всегда последствия были таковы. Чаще всего незаконно приехавших евреев принудительно выселяли из пределов губернии.

Как правило, в Петрозаводском батальоне служили не новобранцы. За плечами почти каждого солдата были многие годы тяжелой службы. Сохранился в архиве список «нижним чинам еврейского закона» Петрозаводского батальона, составленный в октябре 1864 г., из которого следует, что, например, рядовой Шимель Мотдей был взят в службу в 1850 г., следовательно служил уже пятнадцатый год, Давыд Эдвабный, Берка Цильман, Мовша Мрус служили с 1852 г. Большая часть солдат вступила в службу в 1853-1855 гг. А было несколько рядовых в нестроевой команде, или, как она тогда называлась, в «команде неспособных»: Фраим Куква, Абрам Рожинский, Иосель Гит, Хаим Берман, тянувших солдатскую лямку по 16 – 18 лет.

Среди служивших в это время евреев был один унтер-офицер, 7 музыкантов, 2 барабанщика, оружейники. Но в основном это были рядовые стрелки. Из послужных списков (к сожалению, их сохранилось очень мало) видно, что родом эти солдаты из Виленской, Ковенской, Полоцкой и других губерний черты оседлости. Многие, подобно Абраму Вайвиловичу, Шмуиле Лейбовичу, начинали службу в Псковском, Киевском и других батальонах военных кантонистов.

Среди солдат евреев были такие, кто прежде, чем попасть в Петрозаводск, принимал участие в войнах, о чем свидетельствовали их награды. Так, Зельман Бенковский, Абрам Вайвилович, Гирш Панпер, Шимель Мотдей и др. имели бронзовые медали на Владимирской ленте за войну 1853 – 1856 гг., то есть за участие в Крымской войне. Многие имели нашивки за беспорочную многолетнюю службу.

В условиях военной службы, особенно, если учесть, что перед этим в большинстве своем эти солдаты еще совсем детьми прошли воспитание в школах кантонистов, сохранить еврейство, верность своим традициям и обрядам было совсем не легко. Можно себе представить, чего им это стоило. Оторванные от родных мест и родных людей на многие годы, а практически навсегда, они попадали в чужую языковую среду, в совсем чуждые им условия жизни. Здесь все было чужое – служба, обычаи, привычки, даже пища. И тем не менее они сохраняли свое еврейство. Случаи принятия христианства среди солдат, расквартированных в Петрозаводске, были крайне редки. Архивные документы сообщают, что, например в 1859 г. таких солдат оказалось только 6 человек, а в 1863 г. – всего один. Кстати, как видно из дела о крещении в 1863 г. солдата Товия Мелеха, за переход в христианскую веру ему полагалось единовременное пособие в сумме 7 руб. 15 коп.

Еврейская жизнь солдат протекала отнюдь не без проблем. В Своде военных законов была статья, которая содержала следующее правило: «Где нет ни синагоги, ни раввина, там начальство дозволяет им (т.е. солдатам. – Д.Г.) собираться для молитвы в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина»; и далее: «место для сих собраний назначается начальством». Батальонный командир подполковник Харитонов, как видно из документов, достаточно лояльно относившийся к служившим в батальоне евреям, выделил место для «молитвенных собраний» в казарме 2-й роты. Только здесь, собираясь

вместе, солдаты-евреи имели возможность общаться относительно свободно, не соблюдая обычной воинской дисциплины, разговаривать друг с другом на родном языке, вспоминать близких, ну и, конечно же, молиться.

Однако в марте 1855 г. командир корпуса запретил использовать казарму под молитвенное помещение. Поскольку в Петрозаводске в это время среди гражданского населения евреев еще не было и, следовательно, не было ни синагоги, ни раввина, солдаты евреи были лишены возможности, как утверждал их батальонный командир, «собираться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв, не только в дни суббот, но даже и в главных годовых их семь праздников».

Командир батальона пытался помочь своим солдатам. Он многократно обращался к губернским властям с просьбой выделить в городе дом для «молитвенной школы». Власти, ссылаясь на действующие законы, всякий раз отказывали. «Устройство синагог и молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев, а... Олонецкая губерния не причислена к числу губерний, где дозволено проживать евреям, – так отвечало губернское правление. – Военнослужащим евреям дозволяется собираться на молитву в указанном начальством месте», то есть в том месте, которого как раз и не было.

Переписка между командованием батальона и гражданскими властями длилась несколько лет и закончилась без видимого результата. Однако желание солдат евреев иметь свой дом, в котором бы они могли собираться, совершать свои обряды и молитвы, было настолько неодолимо, что они на свои скудные солдатские деньги купили в Петрозаводске дом и устроили в нем молельню.

Казалось бы вопрос решился. И действительно, года три все шло вполне спокойно. Но вдруг власти опомнились. Оказывается, «еврейскому обществу особого дома иметь не дозволяется законом», и городская дума в феврале 1868г. решила принудительно продать дом. Тогда солдаты принимают, можно сказать, неординарное и беспрецедентное решение: передать дом «в собственность местного губернского батальона для того, чтобы мы могли в нем иметь постоянное богослужение». В своем «приговоре» солдаты писали: «Если же по дому сему придется уплачивать какие-либо казенные или общественные сборы, то обязуемся это делать из собственных наших средств. Расходы по совершению купчей также принимаем на себя. Если же случится так, что в батальоне не будет состоять на службе ни одного еврея, то батальон имеет право продать этот дом и вырученные за него деньги разделить между беднейшими жителями г. Петрозаводска еврейского закона по усмотрению самих евреев».

Под приговором стоят подписи унтер-офицера Мовши Свечникова, солдат: Гирша Маса, Лейзера Финкельштейна, Хаима Месея, Мейзера Градуса, Иоселя Шварцмана, Лейбы Рыбкина, Абрама Шохтова, Овсея Шмойловича и многих других. Не все подписывали приговор сами: «вместо их, неграмотных, по личной их просьбе» подписались их товарищи.

Видимо, дом все же был продан, так как некоторое время еврейская молельня для солдат существовала в одной из комнат при батальонной мастерской. Но в августе 1870 г. комната эта потребовалась для батальонных мастеровых и ее у евреев забрали, разрешив им, впрочем, нанять под молельню частный дом. Но и это оказалось делом не простым. По закону нижним чинам не положено было заключать контракт на аренду дома. Выход был найден: к этому времени в городе уже появились первые бессрочноотпускные солдаты евреи (об этих солдатах см. ниже), и один из них – Давид Тейхерт оформил контракт на свое имя. Некоторое время еврейская молельня помещалась близ реки Неглинки в доме крестьянина Гуркина.

Почему мы так подробно рассказываем о жизни солдат евреев, служивших в Петрозаводском батальоне? Ведь, строго говоря, они не были в полном смысле городскими жителями, а лишь несли здесь воинскую службу. Но дело в том, что именно эти солдаты, как мы увидим дальше, и явились основателями еврейской общины нашего города.

Реформы Александра II внесли большие перемены в жизнь еврейского населения России. И хотя евреи не были уравнены в правах с остальными подданными империи, все же в огромном всероссийском гетто, каким по существу была черта оседлости, образовалась существенная брешь.

Не будем останавливаться на всех законах о евреях, изданных в 60-е годы XIX в. Укажем лишь на те, которые сыграли решающую роль в судьбе еврейского населения Петрозаводска.

Закон 28 июня 1865 г. предоставил евреям ремесленникам право проживать повсеместно в России. При себе им разрешалось иметь членов своих семейств, то есть жен, детей и несовершеннолетних братьев и сестер. Так в нашем городе появились первые евреи ремесленники.

Число их было не велико. Петрозаводск в то время был городом небольшим. Да и обустройство на новом месте выходцев из пределов черты оседлости сопровождалось целым рядом условий, выполнить которые было не так уж легко. Прежде всего, ремесленники евреи получали право жить в городе по особым паспортам в качестве временно проживающих. А чтобы получить такой паспорт, надо было представить в городскую думу свидетельство на звание мастера или подмастерья, выданное ремесленной управой с прежнего места жительства. Причем ничем иным, кроме обозначенной в цеховом свидетельстве профессии, этот ремесленник заниматься не мог. Это правило впоследствии не единожды приводило к возникновению конфликтов между властью и ремесленниками. Конфликты заканчивались иногда высылкой из города провинившегося со всем его семейством.

Первые ремесленники евреи в Петрозаводске начали появляться в конце 1860-х – в 1870-х гг. Среди них были портные Лейба Альшиц из Орши, Моисей Кац из Невеля, Рувим Левин из Борисова, Моисей Пивоваров из Динабурга, Яков Рубашкин из Полоцка. Из Витебска приехали часовщики Иосиф Свирский, Ерухим Хазен и Евсей (Авсей) Штейнзац, из Динабурга – красильщик Иосиф Мешель, из Вильно – перчаточник Мордух Мауерштейн, из Режицы – колбасник Михаил Ценципер.

Несколько позже в городе поселились часовщик Хаим Рубин из Вильно, портные Шолом Авербух и Шмул Лившиц, слесарь Шавель Дынер, шапочник Пейсах Пятов из Полоцка, портные Израиль Бернштейн (Беренштейн) и Абрам Роткович из Минской губернии, кузнецы Пейсах Блехман, Липман Давыдов из Режицы и Залман Трок из Ковенской губернии, сапожник из Сурожа Яков Роскин. Численность евреев ремесленников в Петрозаводске пополнялась и в последующее время.

Не все из тех, кто первыми приехали в наш город, остались в нем навсегда. Однако многие по настоящему укоренились здесь, обзавелись большими семьями, их потомки затем долгие годы прожили в Петрозаводске. Сыновья, как правило, наследовали занятия своих отцов, либо обучались какому-то иному мастерству. Так, один из сыновей портного Моисея Каца Соломон пошел по стопам отца, а другой сын – Давид стал часовых дел мастером и был известен в Петрозаводске даже и в послевоенные годы. Сын сапожника Якова Роскина Мендел выучился на фотографа и когда-то был очень популярен в нашем городе. Детям некоторых ремесленников удалось получить высшее образование.

Проживавшие по временным паспортам ремесленники формально не числились гражданами Петрозаводска, а оставались минскими, полоцкими, виленскими и т.д. мещанами, но имели право жить в городе как занимающиеся ремеслом и торговлей.

25 июня 1867 г. был принят закон «Об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов». Этот закон давал отслужившим в армии солдатам евреям право не только жить там, где они пожелают, то есть и вне черты оседлости, но и право приписываться с женами и детьми повсеместно в число городских сословий – в мещанство и купечество. Следует, однако, оговориться: право это признавалось только за теми евреями, кто поступил в службу на основании рекрутского устава. Те же, кто проходил военную службу по новому уставу о воинской повинности, который был введен

в России в 1874 г., таким правом не пользовались и после окончания службы обязаны были вернуться к своему прежнему месту жительства.

В Национальном архиве Карелии сохранились документы (правда, их не очень много) о приписке отслуживших в русской армии свои 12 – 20-летние сроки евреев к числу городских сословий Петрозаводска. В основном это происходило в 1869 – 1875 гг. Были ли приписки до 1869 г. по сохранившимся документам установить не удалось. Хотя определенно можно утверждать, что какое-то число евреев солдат, вышедших в отставку, поселилось здесь еще до введения закона 1867 г.

Так, например, в 1865 г. на Набережной улице в Петрозаводске существовала «ресторация с продажей напитков», которую содержала жена отпускного рядового Шмула Бобермана. На той же улице находилось и «трактирное заведение» отпускного рядового Гирша Каца. На каком праве жили в городе эти евреи (возможно, кто-то еще), трудно сказать. Вполне вероятно, что они до этого здесь служили, а теперь числились в отпуске; ведь не случайно в документе они названы не отставными и не бессрочноотпускными, а просто отпускными.

Среди первых евреев, приписанных в число петрозаводских мещан, были Нохим (Нахим) Альперович, Энох Беневиц, Гирш Ватенберг, Илья Вендров, Шмул Глинер, Берка Гольдман (или Гольцман), Самуил Госмер, Абрам Златкин, Вульф Кан, Насон Левин, Шмул Лившиц, Абрам Манербергер, Евсей Марковский, Герш Мас, Хаим Мессель, Манес Мойзель, Шимель Мотдей, Зельман Парийский, Иосиф Пороховников, Мордка Рубин, Гирш Рудковский, Арон Рыбак, Давид Тейхерт, Айзик Шиберштейн (Шеберштейн), Хаим Шпильберг, Давид Эдвабный (Едвабный и Гедвабный) и др. Эти-то евреи и составили ядро будущей еврейской общины в нашем городе.

60 – 70-е гг. XIX в. явились, таким образом, временем, когда сложилась еврейская община Петрозаводска. Община была еще очень малочисленной и никак организационно не оформившейся, но она уже существовала. Ее составляли приписанные к городским сословиям, преимущественно к числу мещан, отставные и бессрочноотпускные солдаты и небольшое число ремесленников, живущих по временным паспортам.

К этому времени в городе кроме еврейского молитвенного дома, о котором мы говорили выше, существовало и еврейское кладбище. Не известно время появления еврейского кладбища. Надо полагать, что оно возникло тогда, когда в здешнем батальоне появились первые солдаты евреи, и служило вначале для захоронения умерших солдат и членов их семей. Существует документ от июля 1873 г. – постановление городской думы о выделении дополнительного участка земли для расширения еврейского кладбища. Постановление это было принято по ходатайству губернского воинского начальника.

Кладбище сохранилось и до наших дней. Самое древнее из обнаруженных захоронений относится к 1869 г. На надгробном камне можно прочесть надпись на еврейском языке: «Замужняя женщина скончалась 25 адара 629» (февраль 1869 г.). К сожалению, время не сохранило нам ни имени, ни фамилии этой женщины. Мы не знаем, старой она была или молодой. Возможно, что это была солдатская жена. Самая поздняя из сохранившихся могил датирована 1947 годом. Здесь уже надпись на русском языке: «Гуревич Аврам Хаймович. Сконч. 21 янв. 1947 г. Родился 1895 г.».

Еврейская община не могла, разумеется, существовать, не имея раввина. Люди женились, умирали, рожали детей. Все связанные с этими событиями духовные требы в те времена были немыслимы в отсутствие раввина.

По-видимому, еще в первой половине 1860-х гг. в городе появился человек, который имел все данные, чтобы исполнять обязанности раввина. Им был Ицко Гуревич из г. Вильно, по общему мнению, человек «вполне достойный». В течение ряда лет он совершал в городе все, что требовалось от раввина: бракосочетание, обрезание и т.д. Он же исполнял обязанности резника, без чего община также не могла жить, и учил детей еврейской грамоте. Гуревич вполне устраивал не только самих евреев, но и командование батальона. При необходимости он обслуживал не только евреев Петрозаводска, но и солдат, служивших в уездных командах в других городах Олонецкой губернии.

Какое-то время и гражданские власти мирились с присутствием Гуревича в Петрозаводске. Однако в 1872 г. они вдруг обратили внимание на то, что Гуревич не имеет права жить в нашем городе. «Резничество» власти не признали ремесленным занятием. Было принято решение выселить Гуревича из Петрозаводска. Началась довольно продолжительная тяжба между евреями, с одной стороны, и губернским правлением, – с другой. Евреи отстаивали свое право иметь возможность следовать своим обычаям и соблюдать традиции, что без раввина было немыслимо.

20 декабря 1872 г. солдаты Петрозаводского батальона и живущие в городе бывшие солдаты обратились к губернскому воинскому начальнику с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед губернатором «о дозволении Гуревичу по-прежнему иметь жительство в Петрозаводске и исполнять духовные наши требы». Под этим обращением подписалось более сорока человек. И среди них рядовые Илья Скорлубский, Арон Рыбак, Абрам Ихелевич, унтер-офицер Давид Едвабный, барабанный староста Мовша Свешников, рядовые Вульф Кан, Абрам Месель, бессрочноотпускные Хаим Месель, Лейба Рыбкин, Самуил Лившиц и другие.

И все же губернское правление не вняло просьбам ни евреев, ни даже воинского начальника и потребовало выслать Гуревича из города. Правда, с исполнением этого решения никто не спешил, и Гуревич еще целых три года жил в Петрозаводске относительно спокойно и продолжал исполнять обязанности раввина.

Но в 1876 г. губернское правление вспомнило о Гуревиче. Губернский воинский начальник вновь обратился к гражданским властям с убедительной просьбой не трогать его. Свою просьбу воинский начальник аргументировал следующим образом: «Преподавание закона Божьего, наставления в вере, отправление богослужений и обрезание младенцев и выдачи метрических свидетельств раввином, близко известным и снискавшим расположение, есть дело большой важности». Но и на сей раз губернское правление было непреклонно. После длительных обсуждений в ноябре 1876 г. последовало решение: запретить Гуревичу исполнять обязанности раввина и «подвергнуть его и соучастников с ним законному преследованию».

Однако на этом дело не закончилось. В марте следующего года петрозаводские евреи направляют на имя губернатора новое прошение. В нем так подробно и убедительно рассказано о жизни общины и ее духовных нуждах, что есть необходимость привести из этого прошения достаточно пространную цитату:

«В г. Петрозаводске находится всех евреев обоего пола и возраста на постоянном жительстве 150 человек, кроме воинских нижних чинов евреев же, служащих в губернском батальоне, и до 150 человек в городах и уездах Олонецкой губернии, так что всех около 300 человек. Раввина же для исполнения религиозных обрядов веры нашей нет и средств для содержания раввина тоже. До сих пор необходимые обрядности исполнялись одним из нашей среды человеком, знающим в теоретическом и практическом отношениях. А главное, для исполнения треб закона Моисеева могут быть допущены лишь люди религиозные, нравственные и знающие закон на древнееврейском тексте. Из среды всех нас есть в Петрозаводске виленский мещанин Гуревич, который вполне мог бы заменить в нужных случаях должность раввина. Но так как Гуревич обязан подпиской, чтобы отнюдь не исполнять обрядов по делам веры своих единоверцев, стало быть и кроме Гуревича также никто не имеет права на это. Таким образом мы находимся в безвыходном положении...

В настоящее время у некоторых из нас родились дети мужского пола, над которыми обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву на восьмой день, не исполнен, и само собой разумеется, имена им не наречены. Кроме того, может встретиться важнее случай, например, кто-либо умрет. Кто же тогда исполнит последний долг погребения над умершим? Вызывать же раввина для исполнения сказанных обрядов вещь немыслимая, во-первых, потому, что никто не согласится ехать по случаю дальнего расстояния, во-вторых, нет средств для этого, в-третьих, если допустить и то, чтобы приезжал раввин для исполнения треб, то может случиться так, что сегодня совершил

обряд обрезания и уехал, вслед за тем кто-либо вновь родился или умер, и так бесконечная категория, сопряженная с громадными издержками и затруднениями, и, в-четвертых, если кто умрет, не ждать же приезда раввина для погребения умершего, а кроме раввина по закону никто не имеет права совершить обряд погребения. И много подобных затруднений...»

Одновременно с коллективным прошением губернские власти стали получать и личные прошения петрозаводских евреев, в которых они настаивали на своем праве иметь возможность жить по их обычаям и традициям.

21 марта 1877 г. с прошением к губернатору обратился петрозаводский портной Лейба Альшиц. У него месяц назад родился сын. И вот он пишет: «Обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву совершить на восьмой день, над ним не исполнен, а потому и имя ребенку не наречено. Раввина же для исполнения этого обряда в Петрозаводске нет». Альшиц просил, чтобы власти не препятствовали Гуревичу совершить то, что требуется. Он писал: «1. Закон иудейский для нас обязателен – исполнить обряд обрезания и наречение имени на восьмой день. 2. Требовать откуда-либо раввина – вблизи нет, да и средств не имею. 3. Чем дите старше, тем хуже потом исполнить над ним обряд обрезания, то есть большее для ребенка, так что даже опасно. 4. Грешно и даже неприятно, когда дите без имени и 5. Я лишен всякой возможности надеяться, что приедет когда-либо раввин, а сам везти ребенка туда, где раввин, не имею средств и немисливо ехать с месячным ребенком такую даль в распуту».

Удивительным образом развивались события дальше. В защиту прав евреев выступил даже губернский прокурор. Он опротестовал решение губернского правления. В своем протесте он обращает внимание на то, что упорство властей вредит не только евреям, но идет вразрез с интересами государства и общества:

«В России, как в стране веротерпимой, – писал прокурор, – лицам всех вероисповеданий дозволяется исполнение богослужебных отправлений и религиозных обрядов. Между тем, если придерживаться мнения губернского правления, то евреи, несмотря на расширение их прав дозволением некоторым из них проживать во всех городах России, лишаются в то же время самого важного для них права – воспитывать детей в вере своих отцов и исполнять религиозные обряды, так как при неимении раввина или его помощника исполнение обрядов обрезания, наречения имени, ведение метрических книг о рождении, браках, смерти и т.д. немисливо. Хотя по закону еврейскому каждый относительно ученый еврей может исполнять эти требы, но закон гражданский... строго запрещает исполнение еврейских обрядов кем-либо кроме правительством утвержденных раввинов и их помощников. Последствия такого положения дела смогут быть крайне неутешительны: евреи, принужденные обстоятельствами, мало-помалу будут отставать и манкировать обрядами своей веры и сделаются людьми вредными, без всякой религии, или будут все свои обряды совершать тайно, что повлечет к возбуждению множества бесполезных дел. Отсутствие метрических книг лишит правительство возможности знать действительную цифру населения и возраста евреев, чрез что евреям представится явная и как бы законная возможность уклоняться от воинской повинности и платежа податей. Кроме того, неимение метрических свидетельств о рождении представляет препятствие к цивилизации евреев – без метрического свидетельства никто не может быть принят ни в одно учебное заведение...

...Евреи проживают в г. Петрозаводске более десяти лет, рождаются и умирают. Кто же должен вести метрики о рождении и смерти их и кто должен уведомлять о рождении и смерти те общества, к которым они приписаны? Наконец, вследствие высочайшей воли отставные солдаты и их потомство могут проживать и записываться в общества повсеместно в России. По каким же документам и по чьему удостоверению будут вносить в ревизские сказки новорожденных и делать отметки об умерших? Кроме того, есть лица из евреев, состоящие в государственной службе и по своему образованию и служебному положению не принадлежащие ни к каким податным обществам. Кто же этим лицам

должен выдавать метрики? Кто должен вести списки о рождении их детей, кто должен выдавать удостоверения об их браке и смерти?».

Надо иметь в виду, что в то время никакой гражданской регистрации рождений, браков, смерти не существовало. Так что прокурор знал, что писал.

На это обстоятельство, а именно на то, что в городе совершенно не ведутся метрические книги на евреев, обращали внимание еще ранее сами евреи, живущие в Петрозаводске. Так, в 1874 г. петрозаводский купец Гирш Кац писал в городскую управу о том, что в городе не ведется ни списков, ни каких-либо книг, куда бы записывались родившиеся, сочетавшиеся браком или умершие евреи, что по этой причине даже метрики получить им неоткуда. А без метрик нельзя поступить ни в одно учебное заведение. Более того, отсутствие метрик, и этот аргумент он, видимо, считал совершенно неотразимым для начальства, позволяет недобросовестным людям «избежать исполнения воинской повинности». Кац просил, «чтобы еврейскому населению в г. Петрозаводске, подобно другим нациям, велись правильные и точные сведения», а для этого были выданы особые книги и назначено особое ответственное лицо. Увы. И эта совершенно очевидная необходимость долгое время не находила решения.

Письмо Г. Каца совпало по времени с одним мероприятием, имевшим отношение ко всей империи. 2 октября 1874 г. Комитет министров издал Положение о производстве переписи всего мужского еврейского населения. Вызвано это было, надо полагать, переходом на новый порядок формирования армии, когда вместо рекрутчины вводилась воинская повинность. И здесь власть столкнулась с тем, что возраст многих мужчин евреев неизвестен. Местным по воинской повинности присутствиям предложено было определять возраст по внешнему виду.

Но вернемся к протесту прокурора. Он не только не соглашался с мнением губернского правления, но позволил себе бросить явный упрек местным властям. И даже больше – российскому законодательству: «На все эти вопросы не отвечают существующие законы об управлении духовными делами евреев. А потому я полагаю, – писал прокурор, – что губернское правление вместо того, чтобы отказывать евреям в их ходатайстве, в интересах правительства должно было бы войти с представлением надлежащим порядком о разъяснении и дополнении статей закона XI т. Уст. духовных дел иностранных исповеданий относительно евреев в законодательном или административном порядке».

В своем коллективном прошении, о котором речь шла выше, петрозаводские евреи просили местное начальство: если нельзя оставить Гуревича в качестве раввина, то хотя бы причислить их «относительно исполнения обрядов веры Санкт-петербургскому раввину», а Гуревича зачислить к нему помощником «для исполнения религиозных обрядов в Петрозаводске». Санкт-петербургский раввин доктор философии Драбкин знал Гуревича и был согласен иметь его своим помощником, «если не будет препятствий со стороны олонецкого губернского начальства».

Губернский прокурор также поддержал эту идею. Он писал: «Что касается личности, которая может исправлять должность помощника раввина, то это дело второстепенное, и для определения того, обладает ли Гуревич правоспособностью быть раввином, я не считаю компетентным в этом деле ни себя, ни губернское правление. Знаю только, что Гуревич как по отзывам частных лиц, так и полиции поведения безукоризненного». Здесь позиция прокурора была очень близка к позиции петрозаводских евреев. Они боролись не персонально за Гуревича, а за свое право быть евреями, то есть беспрепятственно следовать обычаям и традициям своего народа и, прежде всего, иметь возможность исполнять обряды своей религии.

Заканчивает прокурор свой протест призывом к губернскому правлению «в дальнейшем ходе дела поступать по закону».

Губернское правление и поступило по закону. Оно проигнорировало протест прокурора и подтвердило запрет Гуревичу исполнять обязанности раввина. По вопросу о том, может ли он быть помощником раввина, в постановлении губернского правления

было сказано: по закону, помощник раввина может назначаться лишь в тех обществах, которые насчитывают более 1000 евреев. В Петрозаводске же такого числа евреев нет, стало быть и помощник раввина здесь не положен.

Дело с Гуревичем кончилось в конце концов тем, что против него было возбуждено судебное преследование. Паспорт от него отобрали, передали судебному следователю, и он вынужден был покинуть Петрозаводск.

После высылки Гуревича из Петрозаводска община осталась без человека, имеющего достаточные познания об основах религии, об обрядах и обычаях своего народа и необходимые навыки и умение исполнять эти обряды. Это, безусловно, не означает, что прекратилась еврейская жизнь в городе. По-прежнему люди молились, отмечали свои праздники, у них рождались дети, и нужно было совершать обрезание и наречение имени, женились, и кто-то должен был совершать обряд бракосочетания, наконец, люди умирали, и требовалось совершать обряд над умершим. Молиться и отмечать праздники евреи могли, конечно, и самостоятельно, но для совершения всех необходимых обрядов требовался если и не раввин, то хотя бы знающий все это еврей.

К сожалению, архивные документы не позволяют составить сколько-нибудь цельную картину жизни еврейской общины в то время. В архивы попадают только документы государственных учреждений или документы, как-то связанные с деятельностью этих учреждений, либо тем или иным образом касающиеся интересов государства. В них ничего нет о частной жизни рядовых граждан. Мы можем предполагать, что петрозаводским евреям приходилось, как это было и во многих других районах России за пределами черты оседлости, для совершения обрядов уезжать в те города, где имелся раввин, или приглашать раввина в Петрозаводск, что было связано с массой неудобств и, главное, с большими расходами, которые не всем были по карману. Существовал, наконец, и третий путь – обходиться местными силами, совершая обряды втайне от властей. Ведь согласно российским законам запрещалось кому-либо, кроме казенных, то есть правительством утвержденных, раввинов, исполнять все необходимые обряды.

Среди дел, которыми занимался в Петрозаводске Гуревич, было и обучение детей иудейской вере и еврейской грамоте. И надо сказать, что это являлось очень важной частью его обязанностей. Каждый еврей, даже самый бедный, считал святым долгом научить своего ребенка (это относилось, разумеется, прежде всего к мальчикам) хотя бы основам религии и обязательно умению читать, дабы он мог самостоятельно читать Тору. Следует также иметь в виду, что обучение детей чтению на родном языке являлось чуть ли не единственным достаточно эффективным средством сохранить язык в тех условиях, в которых пришлось жить евреям вне черты оседлости.

Государственной еврейской школы в Петрозаводске никогда не существовало, и поэтому обучение детей было исключительно делом самих родителей. Каждый находил свой собственный способ решить эту проблему. Пока здесь был Гуревич, он вполне справлялся с этой задачей. Но и после его высылки из города попытки учить детей еврейской грамоте не прекращались. Как не прекращалось и стремление властей воспрепятствовать этому.

В 1878 г. до полиции дошли «слухи», что какой-то еврей, живущий на Старополицейской улице (теперь – ул. Пушкинская), занимается обучением грамоте еврейских мальчиков, не имея на это разрешения. Помощник городского пристава, отправившись к нему домой, застал там сыновей здешних евреев: Каца, Хазена, Загона, Левина, Мауэрберга, Лившица, «сидевших за столами, на которых перед каждым из них лежали книги, печатанные по-еврейски. Тут же на стульях лежало несколько тетрадей, исписанных еврейским письмом». Учителем оказался мещанин Могилевской губернии Шолом Ицков Сенектор. Было предпринято целое следствие, в результате которого выяснилось, что Сенектор приехал в Петрозаводск «для занятия выделкою дрожжей» и учить детей ему не положено. Губернское правление обвинило местную полицию в плохой работе и предписало строго следить, чтобы до высылки Сенектора из города он не

занимался тем, чем ему не разрешено, и вообще «иметь самое тщательное наблюдение за приезжающими в город со стороны лицами, особенно евреями».

В 1879 г. в городе появился отставной солдат Рувим Абрамович Московский, который также занялся обучением детей. Родом он был из Режицкого уезда Витебской губернии, служил рядовым в 63-м пехотном Суздальском полку. 30 августа 1877 г. «в деле с неприятелем под Плевною», сказано в его формуляре, был ранен, после чего уволен из армии на один год «для поправления здоровья». Видимо, рана оказалась достаточно тяжелой, так как затем комиссия признала его «совершенно неспособным к продолжению... службы». Как отставной солдат городским приставом он был записан в городскую книгу, что, как мы увидим дальше, было «ужасной» ошибкой петрозаводской полиции.

Понимая, что долго скрывать свою деятельность от властей в таком городке, как Петрозаводск, невозможно, да он наверное и не считал, что делает что-то предосудительное, Московский в декабре 1879 г. обратился к олонекскому губернатору с прошением, в котором писал: «А как я чрез полученные раны не способен снискивать себе пропитание... осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство о дозволении мне, согласно удостоверению раввина, обучать еврейских мальчиков иудейской вере, так как я по испытании оказал достаточное знание и успехи в познании еврейского закона и в случае разрешения обязуюсь дать подписку в том, что я буду обучать собственно только иудейской вере».

Как видим, Московский заручился нужными документами, удостоверяющими его квалификацию, на всякий случай дал обязательство ничему кроме иудейской веры детей не учить. Однако все это ему не помогло. Прощение было передано на рассмотрение в губернское правление, которое определило: поскольку Рувим Московский не является ремесленником, жить в Петрозаводске он не имеет права. Не имеет права он оставаться здесь и как отставной солдат, так как призван в армию в 1876 г., то есть уже после введения устава об общей воинской повинности, а на таких лиц закон, разрешающий отставным солдатам евреям жить вне черты оседлости, не распространяется.

20 января 1880 г. Московский был выслан из пределов Олонецкой губернии. А городской пристав Остроумов, признанный виновным в том, что без должного основания записал еврея в городскую книгу, так сказать, «за потерю бдительности», был уволен от занимаемой должности.

Однако (в 1881 или 1882 г) Рувим Московский вновь появился в Петрозаводске, на этот раз заручившись ремесленным свидетельством Режицкой ремесленной управы на ремесло переплетчика. В течение почти десяти лет прожил он в Петрозаводске, занимаясь обучением детей (разумеется, нелегально) и своим ремеслом.

Наконец, полиция все же добралась до него. В феврале 1891 г. в его квартиру, а жил он в доме чиновника Боскова по Соломенской улице (теперь – ул. Куйбышева), внезапно заявился сам петрозаводский полицмейстер. Там он «нашел, – как записано в постановлении городского полицейского управления, – целую еврейскую школу с еврейскими элементарными учебниками». И хотя Московский объяснял в полиции, что обучает детей по просьбам их родителей, что ежемесячно получает за это не более 18 рублей, чем обеспечивает существование жены и четверых детей, а главное, когда есть заказы, занимается и переплетным мастерством, ничто не помогло. Полицейское управление пришло к заключению, что Московский «главным своим занятием избрал обучение еврейских детей, на что не получил даже ниоткуда разрешения, звание же переплетного мастера для него служит правовым прикрытием на жительство в г. Петрозаводске», и постановило выселить Рувима Московского из города.

Известно и еще об одной попытке получить официальное разрешение обучать еврейских детей. В январе 1882 г. 12 евреев из отставных солдат подали прошение инспектору народных училищ, в котором писали: «Имеем малолетних детей, обучением которых к самым необходимым молитвам на родном еврейском языке мы по разным отраслям занятий наших положительно не имеем свободного времени» и просили

разрешить такому же как они отставному солдату Минозу Мезену «заняться обучением детей наших необходимым молитвам на еврейском языке».

Интересно отметить, что прошением преследовалась еще одна цель – помочь бедному человеку обрести источник существования. Дело в том, что Миноз Мезен – «бедный и убогий еврей из отставных рядовых» был определен «на призрение в богадельню». «Но, – как писали просители, – по еврейскому закону он не желает поступать в оную», а обучая детей, «будет иметь от нас хотя кусок хлеба для своего существования и приют».

В результате продолжавшегося почти целый месяц изучения вопроса инспектор пришел к следующему мнению: поскольку Мезен «не имеет установленных документов на учительское звание и, руководствуясь статьями 26, 28 и 35 Положения о еврейских частных учебных заведениях и домашних учителях 13 ноября 1844 г., просьба... не может быть мною удовлетворена». Еще одна попытка придать делу обучения детей еврейской грамоте и элементарным знаниям еврейской религии официальный характер потерпела неудачу.

Петрозаводские евреи, конечно же, не отказались от возможности обучать своих детей, но вынуждены были делать это на свой страх и риск и любыми доступными им средствами. К началу XX в. в Петрозаводске проживала 51 еврейская семья – 254 человека. В социальном отношении большинство составляли ремесленники. Это были портные, сапожники, часовых дел мастера, шапочники, слесари, переплетчики, кузнец, красильщик, колбасный мастер, фотограф. В жизни города они уже играли достаточно заметную роль. Как докладывал в своем рапорте петрозаводский полицмейстер, закон 28 июня 1865 г., благодаря которому евреи ремесленники поселились в городе, «способствовал к увеличению в г. Петрозаводске ремесленного производства, так, например, в 1765 г. было мастеров евреев 13 человек, а в 1888 г. – 31, следовательно с 1865 по 1889 г. увеличилось число мастеров на 18 человек». Для такого небольшого города увеличение весьма заметное.

Среди еврейского населения небольшую по численности категорию составляли так называемые «торгующие евреи». Из них только 6 принадлежали к купечеству: некоторые имели лавки в гостином дворе, один был известен как лесопромышленник, один – Р. Кац – в 1897 г. открыл первую в Петрозаводске небольшую частную типографию «Северная скоропечатня». Остальные – это торговцы так называемым мелочным товаром или даже торговцы-старьевщики, как, например, отставной солдат Лейба Яблонский, сын которого Лазарь – наборщик типографии Каца – стал известен в Петрозаводске в 1906 – 1907 гг. как один из организаторов первой социал-демократической группы.

Появились в среде местных евреев и первые образованные люди, а также мастера высокой квалификации. Некоторым из них суждено было сыграть заметную роль в истории нашего города.

В Петрозаводском уездном земстве работал врач Соломон (Савелий) Хазен, сын часовщика Ерухима Хазена. Сын портного Альшица Яков служил помощником присяжного поверенного в Петрозаводском окружном суде. В типографии «Северная скоропечатня» должность управляющего исполнял Шимон Беркович Эпштейн, как можно судить по имеющимся документам, человек весьма образованный и хороший специалист.

В числе высококлассных специалистов, появившихся в нашем городе в эти годы, безусловно должен быть назван Илья Соломонович Левин. В 1882 г. совсем молодым человеком (был ему 21 год) приехал он из Петербурга и поступил на работу в губернскую типографию. В столице он успел три года проучиться наборному мастерству и четыре года проработать наборщиком в одной из типографий. С первых же дней службы в губернской типографии он зарекомендовал себя как высокий профессионал и исключительно преданный своему делу работник.

Однако не безоблачным было начало его жизни в нашем городе. По документам Илья Левин числился мещанином Виленской губернии Троцкого уезда местечка Жосли. А еврей из Жосли в Петрозаводске жить не имел права, если у него не было ремесленного

свидетельства. Такого свидетельства Левин не имел, а, по заключению местных властей, «он как наборщик не является ремесленником».

Попытался Илья Левин причислиться к мещанскому обществу Петрозаводска, но из этого ничего не вышло. Несмотря на то, что общее собрание мещан Петрозаводска, состоявшееся в июне 1883 г., заявило о согласии принять Левина в здешнее мещанское общество, губернские власти не утвердили это решение и постановили выселить его вместе с беременной женой из города.

Пришлось Илье Левину ехать в Виленскую губернию, добыть там свидетельство на право заниматься шапочным мастерством, и только с этим свидетельством на руках он получил право жить в Петрозаводске. Так он и жил здесь, отдавая всего себя работе в типографии, и еще содержал небольшую шапочную мастерскую.

В типографии дела молодого наборщика шли настолько успешно, что по прошествии некоторого времени его назначили сначала метранпажем, а затем фактором, то есть распорядителем всех работ. 6 декабря 1902 г. И. С. Левин был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью: «За усердие». А 26 июля 1905 г. олонекский губернатор в своем представлении министру внутренних дел просил наградить Илью Соломоновича Левина званием личного почетного гражданина. Награждение не состоялось, так как Левин умер 15 ноября того же года от профессиональной болезни наборщиков – чахотки. Это был единственный случай за всю историю нашего города, включая и советское время, когда еврей представлялся к такой высокой награде. В похоронах И. Левина участвовали все служащие и рабочие губернской типографии, причем от дома до кладбища носилки с покойным его сослуживцы несли на руках, а в местной газете был помещен большой некролог.

И.С. Левин оставил по себе добрую память не только как умелый организатор производства, но и как способный журналист. Его корреспонденции печатались в газетах «Биржевые ведомости», «Наборщик» и в других изданиях. Он стал постоянным автором и местной газеты «Олонекские губернские ведомости». Илья Левин был первым, кто познакомил петрозаводскую читающую публику с жизнью местной еврейской общины и вообще впервые на страницах местной официальной газеты заговорил о петрозаводских евреях. В газете систематически печатались его статьи и корреспонденции: «Из жизни олонекских евреев», «Из жизни евреев», «Из жизни местных евреев» и др. В них автор рассказывал, как и чем живет еврейская община Петрозаводска. Он впервые в печати заявил о том, что в городе не ведутся метрические книги о евреях и как это обстоятельство негативно сказывается на их судьбах. Многие его статьи посвящены борьбе евреев за официальное признание существования здесь еврейской общины, за право иметь свой молитвенный дом и отправлять богослужения, за право евреев обучать своих детей на родном языке.

Нельзя не вспомнить еще одного еврея, жившего в нашем городе в начале XX в. 7 декабря 1904 г. в помещении фельдшерской школы губернского земства состоялось открытие Общества врачей Олонекской губернии. Инициатором создания общества явился доктор медицины хирург Николай Ильич Гуревич. Он же был избран первым председателем общества.

Н.И. Гуревич появился в нашем городе примерно в 1902 г. Наряду с работой в земской больнице он преподавал хирургию в фельдшерской школе, очень активно выступал с публичными лекциями на медицинские и санитарно-просветительные темы. По существу он был первым врачом в Петрозаводске, кто занялся санитарным просвещением населения. Об актуальности его лекций говорят темы некоторых из них: «Современные цели и средства в борьбе с заразными болезнями», «Туберкулез и общественная борьба с ним», «Санитарные условия и нужды современной войны» (лекция, прочитанная в феврале 1904 г. во время только что начавшейся русско-японской войны).

Н.И. Гуревич был известен в городе и как общественный деятель. Он являлся членом совета Петрозаводского благотворительного общества, а в годы первой

российской революции стал активным членом местной организации кадетской партии, часто выступал на митингах и собраниях в местном Народном доме. Летом 1907 г. Н. Гуревич был арестован, а затем выслан из Петрозаводска.

В конце XIX в. – начале XX в. еврейская диаспора была уже неотъемлемой частью петрозаводского общества. Жизнь ее членов мало отличалась, а точнее сказать, совсем не отличалась от жизни всех других горожан. Селились евреи на тех же улицах в домах местных домохозяев (по данным полиции, в начале века евреям принадлежало только 9 домов). Дети бывших николаевских солдат и первых поселившихся здесь ремесленников-евреев бегали по тем же улицам, купались в той же речке Лососинке или в Онежском озере, играли в те же игры, учились в тех же школах, что и дети других жителей города. Но при этом евреи никогда не забывали, что они евреи. Как бы ни было сложно, они соблюдали свои традиции, выполняли положенные обряды, отмечали еврейские праздники, сохраняли родной язык.

Однако евреи не могли чувствовать себя достаточно комфортно в нашем городе, поскольку были лишены важнейших для нормальной национальной жизни институтов. По-прежнему здесь не велись метрические книги для евреев. В городе не было синагоги, не было и раввина. Время от времени городские и губернские власти, внимая просьбам евреев, выдавали разрешение на «временное отправление богослужений» «в частном доме под наблюдением полиции», предупреждая, впрочем, всякий раз просителей, что «даваемое разрешение не может продолжаться продолжительное время».

Еврейское общество Петрозаводска очень остро переживало существующее положение и настойчиво повторяло свои просьбы об открытии синагоги и разрешении выбрать раввина. Без этого, писали евреи в своих многочисленных прошениях, они не могут ощущать себя полноправной общиной.

Очередное прошение было направлено губернатору 31 августа 1899 г.: «Позволяем себе обратиться к вашему превосходительству с почтительнейшей просьбой разрешить нам составить общину, для каковой цели произвести из среды нас в установленном порядке выборы правления и раввина».

И опять закрутилась бюрократическая машина. Простение от губернатора попало в губернское правление, оттуда в городское полицейское управление с предписанием: во-первых, истребовать от просителей «надлежащим образом засвидетельствованные план и фасад дома, в котором предполагается открытие молитвенной школы»; во-вторых, выяснить, имеет ли общество необходимые средства на сооружение (если возникнет необходимость) «особого дома для молитвенной школы»; в-третьих, представить сведение, в каком расстоянии от ближайшей церкви будет молитвенная школа, и, последнее, объявить евреям, что вопрос о выборе раввина может быть решен только после разрешения вопроса об открытии молитвенной школы или синагоги и после устройства при ней хозяйственного управления.

В феврале 1900 г. было выполнено первое требование: в полицейское управление представлены план и фасад дома, расположенного на углу Екатерининской (теперь – ул. Дзержинского) и Малой Слободской улиц. Дом этот принадлежал купцу Гиршу Кацу, и тот согласен был отдать его в аренду или продать общине. По утверждению евреев, дом по внутреннему устройству вполне подходил «для отправления богослужения». Были у общины и деньги, необходимые на покупку дома – 800 рублей добровольных взносов и пожертвований. Так что и со вторым пунктом предъявленных требований все было в порядке.

Наконец, точно было измерено расстояние от дома Каца до ближайшей Екатерининской церкви на Неглинском кладбище. Оно составляло 83 сажени. По этому пункту полицейское управление не имело никаких претензий. Более того, в его заключении сказано, что поскольку «церковь находится не по прямой линии улицы, а за мостом реки Неглинки вне городского квартала», достаточным можно считать расстояние и в 50 сажен. Казалось бы, все в порядке, и вот-вот последует разрешение на открытие синагоги. Но этого не произошло. Строительное отделение губернского правления, куда были переданы

материалы по дому, выдало следующее заключение: «Соображаясь с размером комнат, дом этот в настоящем виде не удовлетворяет своему назначению, так как, судя по числу подписавших прошение с их семействами, без расширения будет недостаточен для многолюдного собрания».

Получив такое заключение, губернское правление отказало евреям. Более того, полицейскому управлению было предписано «строго наблюдать, чтобы как в доме Каца, так и в других частных домах не совершалось евреями общественного богомоления».

Как удивительно повторяется история. 1 августа 1929 г. президиум Петрозаводского горсовета рассматривал поступившее к нему заявление (не указано, от кого) о том, что «в доме на углу Малой Подгорной и Пушкинской улиц в частной квартире устроена еврейская молельня» (к этому времени синагоги в городе уже не было). Высший в городе орган советской власти принял постановление: «Согласно существующих законоположений и чрезвычайного жилищного кризиса молельню закрыть». И в том и в другом случае власти действовали одинаково: «согласно существующих законоположений».

25 сентября 1900 г. петрозаводские евреи подали губернатору новое прошение. Под ним подписались 43 человека. Просьбы все те же: разрешить открыть синагогу, учредить при ней хозяйственное управление, избрать раввина. Однако на этот раз они просят разрешения не на приспособление старого дома под молельню, а на постройку нового молитвенного дома. К этому времени еврейская община Петрозаводска сумела путем сбора добровольных пожертвований накопить некоторые средства, необходимые для начала строительства. Как это происходило, мы покажем ниже. К прошению был приложен план дома.

И вновь, как прежде, первый вопрос, который интересовал губернские власти, был все тот же: в каком расстоянии от ближайшей церкви будет находиться еврейский молитвенный дом? Городское полицейское управление, которому было поручено выяснить это, докладывало: «Ближайшая от него церковь находится на соседней Военной улице в помещении губернской земской больницы. Отстоит то место от церкви в расстоянии 102 сажень полтора аршина»: от места № 43 до угла Военной улицы (теперь ул. И. Федосовой) по Малой Слободской 32 сажени полтора аршина и по Военной улице 70 сажень. Расстояние было вполне достаточным и поэтому никаких препятствий к строительству дома не было. Строительное отделение губернского правления утвердило проект.

Окончательное решение вопроса было теперь за Министерством внутренних дел. 1 февраля 1901 г. министерство разрешило, наконец, открыть в Петрозаводске молельню, учредить при ней хозяйственное правление, установить взнос на содержание молельни в размере 5 рублей и избрать раввина, предупредив, что избрать его следует «из лиц, имеющих право на занятие таковой должности».

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно сказать, что настойчивость и упорство, с каким местные евреи более тридцати лет боролись за право иметь полноценную общину, привели к успеху – Петрозаводская еврейская община была официально признана и получила право осуществлять свою деятельность в пределах, разрешенных российским законодательством.

Дальше события развивались следующим образом. Полицейское управление составило список евреев, имеющих право участвовать в выборах хозяйственного правления (надо сказать, что все, что было связано с созданием и функционированием общины, происходило под бдительным оком полиции). В список были включены 53 человека – мужчины старше 25 лет и живущие в городе не менее года (именно таково было условие для получения права на участие в выборах). Но было еще одно условие: каждый желающий участвовать в выборах должен был внести пятирублевый членский взнос. После этого список уменьшился до 38 человек. Остальные не имели пяти рублей для получения права на участие в выборах.

4 марта 1901 г. в здании городской думы под руководством полицмейстера состоялись выборы хозяйственного правления. К участию в выборах явились 35 человек. Членами

правления были избраны купцы Рафаил Кац и Давид Тейхерт, портные Лейб Альшиц и Исаак Мессель, красильщик Иосиф Мешель, торгующий мещанин (именно так он значился в документах) Зорух Парийский. Были избраны и три кандидата: часовщик Нахим Ольбрис, портной Израиль Бернштейн (или Беренштейн) и Абрам Карпович (чем он занимался, неизвестно).

На первых собраниях раввин не избирался. Его выборы состоялись только через год – на общем собрании 3 марта 1902 г. На этот раз в здании городской думы собралось 26 человек из 35 официально числившихся к тому времени прихожан. Девять человек по разным причинам отсутствовали. Собрание проходило в присутствии представителя полиции – помощника пристава. Предстояло избрать раввина, двух членов правления и одного кандидата.

Однако прежде чем начать избрание раввина, собрание обсудило один весьма важный для общины вопрос – об открытии школы для обучения еврейских детей. Инициатором его постановки была видимо ревизионная комиссия. Именно в ее докладе сказано о том, что члены правления призваны заботиться не только о постройке молитвенного дома, но обязаны думать о всех нуждах общины, из которых устройство школы является одной из самых насущных. В докладе отмечалось, что община уже достаточно многочисленная, но здесь нет никакой школы, и дети растут без всякого понятия о религии.

Разгорелись оживленные и продолжительные прения. На все аргументы членов правления, которые в принципе соглашались с тем, что школа необходима, но полагали, что ее устройство дело будущего, сторонники немедленного создания школы утверждали, что хозяйственное правление ошибается, так как до окончательной постройки и отделки молельни может пройти много времени, может быть несколько лет, а до того времени дети современного школьного возраста вырастут, покинут родительские дома и останутся без необходимого религиозного образования. После долгого обсуждения приняли все же компромиссное решение: предложить правлению приступить к «сбору материалов для разрешения вопроса о школе», без какого-либо определения сроков окончания этой работы.

При выборе раввина община столкнулась с определенными проблемами. Претендент на занятие места раввина должен был отвечать некоторым обязательным условиям. Он не мог быть моложе 25 лет, он обязан был постоянно жить в городе не менее года и, что оказалось самым сложным, иметь необходимый образовательный ценз, то есть как минимум обладать аттестатом зрелости. Людей, отвечающих первым двум условиям, в городе было достаточно. А вот имеющих нужное образование не хватало.

Указанным выше условиям отвечал только один член общины – доктор Соломон Хазен. Но он работал в земской больнице и оставлять свое место не желал. Хозяйственное правление так и докладывало властям об итогах собрания: «Избрать на должность раввина лицо, имеющее образовательный ценз, оказалось невозможным, так как имеющих по закону право занять эту должность оказалось лишь одно лицо – доктор С. Хазен, который категорически отказался ввиду того, что он обременен служебными обязанностями по должности в земстве». Поэтому единственным кандидатом в раввины был назван купец Рафаил Кац. За него проголосовал 21 человек из 26. Однако, поскольку Кац не полностью удовлетворял требованиям, которые предъявлялись к кандидату на эту должность (он не кончил даже гимназии, а лишь учился в ней три года), губернские власти не могли взять на себя ответственность за его утверждение и направили представление в Министерство внутренних дел. В нем они обращали внимание министерства на то, что в «числе евреев, проживающих в Олонецкой губернии, не имеется лиц, обладающих установленным... для занятия раввинской должности образовательным цензом». Министерство сочло это обстоятельство уважительным и 7 июня 1902 г. сообщило, что с его стороны «не встречается препятствий к утверждению еврея Рафаила Каца в должности раввина г. Петрозаводска».

Теперь у губернского правления были все основания для того, чтобы утвердить избрание Р.Каца, и оно 24 июня того же года приняло соответствующее постановление, обязав

одновременно общество евреев заключить с Кацем договор, который также должен быть представлен на утверждение.

Поскольку отношения между общиной и раввином строились на договорной основе, есть смысл привести здесь текст этого договора:

«Мы, нижеподписавшиеся, утвержденный в должности раввина г. Петрозаводска петрозаводский купец Рафаил Кац, с одной стороны, и петрозаводское еврейское общество, с другой стороны, заключили настоящий договор в следующем:

1) Я, Рафаил Кац, принимаю на себя исполнение указанных действующими законами обязанностей раввина для членов петрозаводского еврейского общества безвозмездно.

2) Срок службы Рафаила Каца в должности раввина определяется в три года со дня утверждения настоящего договора.

3) Вознаграждение за исполнение обрядов веры по должности раввина в отношении евреев, проживающих в г. Петрозаводске, по таксе, помещенной в конце сего договора, в отношении же евреев, не проживающих в г. Петрозаводске, предоставляется взаимному их соглашению.

4) Поступившие суммы за исполнение обрядов веры по должности раввина я, Рафаил Кац, вношу на нужды петрозаводского еврейского общества, оставляя за собою право распределять эти деньги на какие именно нужды по моему усмотрению.

5) Все расходы, сопряженные с исполнением обязанностей раввина, как-то: заготовление книг, бланков, покупка законов, печатей, канцелярских принадлежностей и т.п. должно быть отнесено на счет хозяйственного правления петрозаводской еврейской молельни.

Такса

1) *За обряд наречения имени – от 50 коп. до 2 руб.*

2) *За совершение обряда бракосочетания – от 3 до 10 руб.*

3) *За выдачу метрического свидетельства – от 3 руб. до 10 руб. 25 коп.*

4) *За выдачу разрешения на развод или за самый обряд развода – по соглашению.*

5) *За выдачу каких-либо справок, удостоверений и пр. – по соглашению».*

Договор подписали Рафаил Кац и 39 прихожан еврейской общины.

Этот договор был утвержден властями в феврале 1903 г. И первое, с чего пришлось начать свою службу раввину, было заведение метрических книг. В местной типографии отпечатали четыре книги: 1) о родившихся, 2) о бракосочетающихся, 3) о разводе браков, 4) об умерших. Пока в городе не было раввина, таких книг не существовало, и всякий раз, когда появлялась необходимость иметь то или иное метрическое свидетельство, возникала масса сложностей.

Еще многие годы, даже после утверждения должности общественного раввина, последствия тех времен давали о себе знать. Курьезный случай произошел с самим раввином Кацем. В июне 1917 г. его сын поступал в Петроградский университет. Родился он в 1896 г., когда раввина в городе еще не было. И для того, чтобы при поступлении подтвердить его возраст, пришлось отцу представить в университет удостоверение, выданное губернским правлением: «Дано сие удостоверение из Олонецкого губернского правления петрозаводскому купцу из евреев Рафаилу Гиршеву Кацу... для представления в Петроградский университет при поступлении в оный сына его Григория, родившегося 14 мая 1896 г., в том, что... в год рождения сына просителя – Григория казенных раввинов в г. Петрозаводске еще не было и метрических книг о родившихся евреях не велось, а потому метрического свидетельства о рождении помянутого сына Григория выдано быть не может, и заменяющим этот документ является единственно определение Петрозаводского окружного суда от 5 декабря 1902 г.»

Теперь, после избрания казенного раввина с таким ненормальным и, надо сказать, весьма унижительным положением было покончено.

По существовавшим тогда в России правилам, общественный или казенный раввин избирался на три года, и каждые три года происходили новые выборы. Выбор

петрозаводских евреев, видимо, был весьма удачен, и на все последующие трехлетия прихожане еврейской общины вновь избирали раввином Рафаила Каца. Так продолжалось вплоть до его смерти в 1918 г.

В нашем городе на Еврейском кладбище сохранилась могила первого (возможно, единственного – других мы не знаем) петрозаводского раввина. Сохранилась и часть надгробия с надписью: «Рафаил Григорьевич Кац. 25 янв. 1871 г. – 4 окт. 1918 г.».

После избрания раввина главным вопросом деятельности правления стала постройка молитвенного дома или синагоги. Для этого нужны были деньги. А единственный источник их получения – добровольные пожертвования самих членов общины. Поэтому хозяйственное правление в первую очередь и занялось сбором денежных средств. Мы уже говорили, что местная община была не очень богатой, поэтому средства собирались не так быстро, как хотелось бы.

Начать строительство помогло, как ни странно, одно печальное обстоятельство, случившееся еще в 1899 г. 23 сентября 1899 г. на местном еврейском кладбище было предано земле тело скончавшегося Залмана Кагана, как писала местная газета, «известного могилевского богача, обладавшего, как говорят, чуть ли не миллионным состоянием». Человек этот по решению суда был сослан в Олонецкую губернию. (Кстати, хотя наш край не входил в черту оседлости, принадлежность к еврейству никогда не служила препятствием для ссылки сюда евреев за разного рода преступления, в том числе и политические.) Каган был уже очень стар (во время высылки ему было 85 лет), и прожил он здесь совсем недолго – всего около трех месяцев. Жена Кагана, похоронив мужа, пожертвовала местному еврейскому обществу на общественные нужды 1000 рублей. Эти деньги и позволили начать строительство синагоги.

Здание начали строить в 1902 г. на Малой Слободской улице на месте под № 43. По сравнению с первоначальным проектом здания синагоги в окончательный вариант с разрешения губернского правления были внесены некоторые изменения. После 1900 г. еврейской общине удалось прикупить к ранее купленному участку земли дополнительно трехсаженную полосу, в связи с этим здание удалось расположить более удобно и, главное, над зданием предположено было воздвигнуть декоративный купол.

К лету 1902 г. здание было доведено до крыши, но дальше работы приостановились, так как не было денег на покупку кровельных материалов, а пожертвования поступали туго. Хозяйственное правление синагоги предпринимало массу усилий, чтобы ускорить сбор средств.

В этой связи следует отметить, что строительство в Петрозаводске синагоги вызвало поистине общественный интерес, и не только у еврейского населения города. Об этом красноречиво свидетельствуют неоднократные публикации в местной газете. Так, в статье «Заметки наблюдателя» 27 июня 1902 г. сообщалось о том, с каким трудом идет сбор средств на строительство, и отмечалось, что как ни странно, но наиболее неохотно жертвуют деньги люди состоятельные, которые «выставляют себя преданными своей национальности, а между тем, когда дело касается, например, до помощи на постройку храма Б-жия, они являются только патриотами до кармана». В статье от 9 марта 1903 г. автор обращал внимание читателей (думается, этот факт достоин упоминания) на то, что в числе жертвователей – «несколько фамилий почетных лиц Петрозаводска, принадлежащих к христианскому вероисповеданию», и делал весьма примечательный вывод: «это, как нельзя лучше, характеризует добрые отношения, существующие между местными евреями и христианами».

В конечном счете все трудности удалось преодолеть, и, как можно понять из дошедших до нас свидетельств, в 1904 г. синагога на улице Малой Слободской была построена. Можно представить, какое это было событие для местной еврейской общины, особенно, если знать, в каких условиях им приходилось молиться до этого...

А о том, что представляло собой здание, в котором евреям было разрешено временно молиться, красноречиво говорит одна из корреспонденций в губернских ведомостях от 25 сентября 1899 г.: «Нынешнее помещение антисанитарно, в особенности можно указать на

женское отделение, занимающее комнату в 2 сажени длиною и одну сажень шириною; в этой-то комнатке еврейки, числом до 50, обречены проводить за молитвою по несколько часов в большие праздники, а если прибавить, что в этой же комнате находятся и некоторые вещи сторожа, то картина представится еще более неприглядною... Нет ничего удивительного, что с женщинами случаются обмороки...»

В субботу 28 августа 1904 г. петрозаводские евреи впервые праздновали начало Нового года – 1 Тишрея 5665 года – уже в новой синагоге. Хотя здание к этому времени было отделано только вчерне, оно, как отмечала газета, уже «производит приятное впечатление как внутри, так и снаружи: внутри устроены хоры для женщин, света и воздуха довольно много и в противоположность прежнему зданию молельни и посторонний прохожий заметит, что это дом молитвы...»

Как вспоминает старый петрозаводчанин Лев Израилевич Альшиц, здание синагоги было двухэтажное, светло-бежевого цвета, с цветными окнами, двери с медными ручками. В здании синагоги был и хедер (по крайней мере, в первые годы после революции 1917 г. он еще существовал). К сожалению, синагога сгорела в 20-е годы (точное время пожара установить пока не удалось).

В Национальном архиве Карелии сохранилась опись имущества синагоги, составленная в январе 1919 г. Документ этот имеет длинное и довольно мудреное название: «Инвентарная опись имущества, предназначенного для богослужебных и обрядовых целей, состоящего при петрозаводском еврейском молитвенном доме». Сочинялся документ коммунальными органами новой городской власти и преследовал цель национализации собственности всех религиозных организаций. Из этой описи следует, что при синагоге была «баня» (надо полагать, что так названа миква), что в самом здании находились 21 парта (именно так сказано в описи), 12 стульев, 12 скамей, один стол, два шкафа, три люстры, четыре стеновых бра. Был в синагоге венчальный балдахин. Имелись и специальные погребальные дроги.

Но главным богатством синагоги, были, конечно же, свитки Торы. В 1919 г. их числилось пять. К великому сожалению, все они бесследно исчезли, как и остальное имущество. Вполне вероятно, что все сгорело во время пожара.

Сохранившиеся в архиве документы почти ничего не сообщают о повседневной жизни общины и ее членов, не осталось в городе и людей, живших в то время, когда община активно действовала, когда работала синагога и когда петрозаводские евреи сохраняли еще верность обычаям и традиции своего народа. Поэтому все сведения наши неполны и весьма случайны. Известно, например, что весной 1904 г. в городе существовала частная библиотека, содержанием которой значился С. Эпштейн, и что этой библиотекой могли пользоваться все петрозаводские евреи. Библиотека находилась сначала на квартире Лифшица, затем переехала на квартиру Ольбриса в дом Тихонова на Сенной площади.

Видимо частная библиотека чем-то не устраивала, и в июне 1904 г. было созвано под председательством все того же С. Эпштейна специальное собрание евреев по вопросу об учреждении общественной еврейской библиотеки. Состоять членами библиотеки изъявили желание 31 человек Эпштейн предложил принять в ведение общественной библиотеки его личную библиотеку. Собрание приняло решение избрать библиотечный комитет из 4 членов и 2 кандидатов. Членами комитета были избраны доктор Н. Гуревич, А. Пивоваров, Н. Парижский и Д. Кац, кандидатами – Л. Яблонский и С. Пергамент (кстати, отец известного в Петрозаводске композитора Р. Пергамента). Члены комитета обратились к губернатору с прошением разрешить открыть общественную библиотеку и читальню при ней «под личной ответственностью доктора медицины Николая Ильича Гуревича». Возражений со стороны губернатора не последовало.

Вот что сообщали об этом событии «Олонецкие губернские ведомости»: «Одним из местных евреев организована с разрешения г-на губернатора общественная библиотека-читальня, в которой получают разные газеты и журналы. Как нам передали, в настоящее время библиотека эта еще не велика, около 350 томов; пользуются ею живущие в Петрозаводске евреи. Плата за чтение книг, журналов и газет от 10 до 25 коп. в месяц;

открывается библиотека для выдачи книг четыре раза в неделю. Наибольшее количество книг, находящихся в библиотеке, касаются еврейского вопроса во всем его объеме: здесь есть книги, знакомящие с бытом еврейской массы и условиями ее жизни в разных государствах, есть сочинения исторические, беллетристические, есть книги и на еврейском языке». К этому хочется добавить: все это делалось не специально выделенными или оплачиваемыми работниками, а, как бы мы теперь сказали, на общественных началах.

Петрозаводская еврейская религиозная община просуществовала до 1920-х гг. и была фактически упразднена в памятную пору яростной борьбы с религией. Это привело к тому, что мы начали забывать, что мы евреи (правда, время от времени нам это напоминали), мы практически утратили свой язык, свои традиции и обычаи. И только в 1990-е годы создались условия для возрождения еврейской жизни.

Поистине незабываемое событие произошло 18 июля 1996 г. (2 Ава 5756 г.). В этот день в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга нашей общине был передан свиток Торы, приобретенный на средства, собранные членами общины Дитрих-Банхоффер-Кирхе из города Тюбингена. Таким образом, наша Петрозаводская еврейская община впервые после утрат 1920-х гг. наконец обрела главную святыню всякого еврейского сообщества – свиток Торы. С этого памятного дня по существу началось подлинное воссоздание нашей общины. 4 апреля 1997 г. еврейская религиозная община Петрозаводска была вновь официально зарегистрирована. Теперь только от нас, ныне живущих евреев, зависит, сумеем ли мы достойно воспользоваться открывшимися возможностями.

Дмитрий Цвибель **Мой еврейский вопрос**

Зима 1953. В только что открытой новой школе № 25, куда нас, первоклашек, перевели из школы № 3, перемена. Шум, гам, куча-мала. Я стою в стороне. С вершины этой кучи скатывается мой одноклассник, ударяется лбом о батарею и рассекает бровь. Показалась кровь. Страшно. Я подбегаю, помогаю ему подняться, чтобы отвести в медкабинет. Вдруг сзади меня кто-то сильно хватает за руку и тащит за собой. Это – моя первая учительница Варвара Ивановна, которую я очень люблю. У нее перекошенное злобой лицо:

– Бандит! Негодяй! Убирайся домой, и без родителей не появляйся! Я не позволю тут, чтобы всякие цвибеля разбивали головы советским детям!

Я не плачу только оттого, что не в состоянии осознать услышанное. При чем тут я? Какие это «всякие цвибеля»? А я разве не советский ребенок?

На следующий день пришел в школу с папой. Он спокойный, но только очень собранный и бледный. Мы остановились возле дверей учительской, в которой было довольно шумно перед началом уроков. Папа, оставив меня ждать, вошел внутрь. За дверями наступила тишина. Пробыл он там, наверное, меньше минуты. Вышел, поцеловал меня и сказал, чтобы я шел в класс и ничего не боялся. После звонка в класс вошла Варвара Ивановна с нервным румянцем на лице, и весь урок была какая-то сама в себе.

Я проучился у нее 4 года. Никогда никаких конфликтов с ней больше не было. Много, много лет спустя мы встретились на набережной у озера, где она гуляла с внуком. Она расспросила о моей жизни, работе, спросила, отчего умер папа.

– Папа у тебя был святой!

Мы еще несколько раз встречались, но я так и не осмелился спросить, что тогда сказал папа в учительской. Это так и осталось загадкой.

(Когда папа умер, я попросил в городской библиотеке, где он был активным читателем со дня ее открытия после войны, переписать на себя его читательский номер 369, по которому и получал книги. Библиотекарь Фаня Цукарева до сих пор, спустя более тридцати лет, часто вспоминает об этом.)

Когда пришло время менять паспорт – его меняли по достижении 21 года – я решил исправить в нем «пятый пункт» (я был записан русским). Пошел в Министерство внутренних дел. Получил пропуск к начальнику, очевидно, паспортного стола. Он оказался грузным, мрачноватым человеком, и что меня почему-то удивило, был не в милицейской, а в военной форме. Я сказал, что хочу при обмене паспорта изменить национальность. Он неторопливо развернулся на стуле, выдвинул картотеку, нашел карточку, внимательно прочитал ее, как мне показалось, даже дважды, и непонимающе произнес:

– Да у Вас тут все в порядке.

Я ответил, что хочу, чтобы там было написано «еврей».

То, что произошло после этих слов, я не в состоянии описать. Он побагровел, даже руки стали красными, как-то расширился и когда встал, казалось, заполнил собой весь кабинет, нагнулся надо мной и буквально прокричал:

– Уходи! Родители знали, что писать! Пусть придут сами!

Я не помню, как оказался на улице. Но, все же, отправился на консультацию к юристу. На табличке было написано: Виулена Арнольдовна Горная. Подходяще. Объяснил ситуацию. Виулена Арнольдовна спокойно разъяснила, что по закону, когда первый раз выдается паспорт, у кого родители разных национальностей, можно выбрать любую. Но менять – это сложный процесс, кроме того, могут возникнуть политические осложнения: с чего это вдруг молодой человек, живущий в стране, строящей коммунизм, сформировавшей нового *советского* человека, поднимает еврейский вопрос?

– Молодой человек, зачем Вам это нужно? – она сняла очки и посмотрела своими печальными глазами куда-то внутрь меня. – Какая разница, что написано в какой-то бумажке? Для себя будьте, кем хотите. Вам ведь еще жить жизнь, а она неизвестно, что преподнесет. (Недавно я спросил Виулenu Арнольдовну об этом случае, но она его не запомнила.)

И, все же, когда на меня заполняли анкету при приеме на работу в театр, я попросил, чтобы там было записано «еврей».

– Конечно, папа же у тебя еврей, – и секретарь спокойно заполнила так много значащую в Советском Союзе пятую графу. (Тогда даже ходил анекдот: Почему тебя не выпускают за границу? (или: не принимают в ВУЗ) У меня пять с плюсом.)

Кстати, о вузе. Когда я поступал в Ленинградскую консерваторию (в 1963 году) и очень успешно сдал специальность, что означало практически стопроцентное поступление, одна из абитуриенток, окончившая музыкальное училище с «красным» дипломом, по специальности получила двойку. Ее мать, которая приехала вместе с ней, кричала на всю консерваторию, что здесь сплошные евреи и принимают только евреев, всяких цвибелей, хумек, каганов, рабиновичей... Ректор консерватории Павел Серебряков вынужден был собрать специальную комиссию, и ее экзаменовали заново, но результат оказался тот же. Мамаша пообещала написать в ЦК. Но, поскольку у них была украинская фамилия, им посоветовали ехать в Киевскую консерваторию, и конфликт был исчерпан.

Не знаю, как с «каганами и рабиновичами», а вот с Хумек и Цвибелем дело закончилось не так благополучно: в приемную комиссию консерватории поступило письмо (оно просто опоздало к началу экзаменов) из Карельского обкома комсомола, где, как нам сообщили, не показав письма, было написано, что таким, как Александр Хумек и Дмитрий Цвибель не место в советском высшем учебном заведении. Нам вернули документы и попросили больше не беспокоить консерваторию своим присутствием. По

иронии судьбы, когда через несколько лет семья Хумеков уехала в Америку, в их квартире поселился Шарапов – тот самый, который и подписал это письмо.

Я работал в Музыкальном театре, писал музыку. Выдающийся композитор Гельмер Синисало не видел, кто бы мог стать после него национальным карельским композитором, и предложил заниматься со мной, чтобы я продолжил его дело. (Он хорошо ко мне относился из-за папы, с которым был знаком еще с войны, и которого высоко ценил и как человека, и как музыканта. Гельмер Несторович любил вспоминать, как папа, увидев его каллиграфически написанные партитуры, сказал, что настоящие композиторы так не пишут, и поэтому композитор из него не получится. Но папа всегда признавал свою ошибку.)

– Гельмер Несторович, ну, представьте: карельский композитор Дмитрий Цвибель!

– М... да... Правда, Рувим Пергамент, Леопольд Теплицкий или Абрам Голланд не лучше. Но все равно – пиши.

Я и писал. Для национального ансамбля «Кантеле»: вокальные произведения «Калевальскую свадебную», «Дедушка-дедок», «Мужик, баба, да пожар»; для Музыкального театра – музыку к хореографическим миниатюрам «Карельский эскиз», «Айно», «Гуонельский лебедь»; на радио и телевидении записал свой вокальный цикл «Карельская тетрадь»... Это исполнялось, и музыка воспринималась как вполне карельская, а я получал даже авторские гонорары.

Но писал и другое. На одном из правительственных концертов, посвященном Дню Победы, прозвучала моя песня-плакат «Помните, люди!» с такими словами:

В пылающем гетто, за миг до конца,
у рва, что к возмездью взывает,
кудряш пятилетний спросил у отца:
– А больно, когда убивают?..

Как удалось режиссеру концерта Семену Карпу убедить партийные комиссии пропустить на сцену такое в то время, не знаю. Может быть, потому, что автор стихов – финский поэт Тайсто Сумманен?

Зато в другой раз ....

Я написал специально для правительственного концерта песню «Партии» на слова Владимира Морозова для мужского вокального ансамбля с оркестром с таким рефреном: «Я благодарен, партия, тебе!» Была такая форма: выходили на сцену, одетые во фраки солисты, и горланили славословие партии («Фрачное по форме, ср... по содержанию»). Ну, я думал, под это дело и проскочит. Когда я показал песню режиссеру, который делал концерт, он был в шоке, зная мое отношение ко всему этому. Несколько раз мы встречались, он слушал и все выпрашивал, почему я вдруг написал такое. Что-то он почуял и, в конце концов, не взял. И оказался прав!

На самом деле, в мотив этого рефрена я заложил музыкальное ругательство, а чтобы это не показалось случайным, тромбоны в унисон контрапунктом раструбами кверху возвещали мое Credo: до-ре-ми-до-ре--до!!! В клавирном варианте это было закамуфлировано, но в оркестре – все, как надо! Конечно, на первой же оркестровой репетиции музыканты все поняли бы, но я надеялся, что меня не выдали б, а уж после исполнения... Скандал мог быть просто грандиозным!

Когда в 1991 году в Петрозаводске образовалось общество «Шалом», Герш Майрович Пукач предложил мне стать его членом, и я активно включился в работу.

Это было как раз накануне первого празднования РОШ ha-ШАНА, которое взбудоражило еврейский мир Петрозаводска. Впервые за много лет евреи открыто, с афишами, не скрывая радости, отмечали свой праздник. Прекрасно организованный концерт (по моему предложению пригласили режиссера Семена Карпа, которого я хорошо

знал), переполненный зал Финского театра, шведский ансамбль, вдохновенно исполнявший еврейские шлягеры, известные петрозаводские музыканты, клезмерский ансамбль Бориса Портного, искреннее выступление мэра Петрозаводска Сергея Катанандова, произнесшего свои известные слова: – Евреи, не уезжайте! Петрозаводск не самое плохое для вас место на земле! – все это создавало неповторимое чувство причастности к событию, определившему всю дальнейшую еврейскую жизнь города, и мою, в частности.

Я стал посещать заседания правления Шалом, учиться в воскресной школе. Чуть позже стал координатором Комитета по репатриации, координатором Сохнута, заместителем председателя общества Шалом, директором воскресной школы, ездил на всевозможные семинары, открывая для себя мир еврейства.

И вот – семинар в Израиле. Я иду к Стене. Очень осторожно прикасаюсь пальцами. Целую камни... И тут со мной происходит необъяснимое: меня просто душат рыдания, трясет, я не могу остановиться. В голове мелькают отрывки мыслей: почему **я** здесь? Миллионы и миллионы евреев мечтали об этом, но им не дано было придти сюда, за что удостоился **я**? Почему не мой папа? Почему не тысячи и тысячи праведников? Кто сможет исчислить всех, прошедших земную жизнь в изгнании, для того, чтобы **я** стоял здесь? Сколько поколений в разных концах земного шара, умирая и произнося последнее, **ישראל** **שמעו** мысленно обращались именно к этому месту?..

Кто-то ко мне подходил, пытаюсь успокоить, кто-то продолжал молиться. Подошел хаббадник, попросил деньги на цдаку. Я отдал последние пять шекелей, оставленных на автобус, и в гостиницу добирался пешком.

Много позже, когда судьба вновь преподнесла мне подарок – учебу в Иерусалимском университете по программе «Мелтон» – из окна квартиры, где я жил, была видна Храмовая гора, и я молился, глядя на нее. А по субботам ходил молиться к Котелю – это всего около часа ходьбы от дома.

А до этого произошло событие, которое изменило мою жизнь. Речь идет о даровании Свитка Торы нашей общине. (Эта история еще ждет особого рассказа.)

18 июля 1996 года в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга мне был передан Свиток Торы. Я впервые в синагоге, впервые прижимаю к груди Свиток Торы, впервые выступаю с речью перед собравшимися на этот необычный праздник. И вот тогда в синагоге, обнимая Свиток, переполненный необъяснимыми чувствами, я физически ощутил связь со своим народом, своими корнями, теряющимися в глубине веков. Внутри у меня что-то произошло. Я стою у бимы лицом к залу, и не знаю, как начать. И вдруг откуда-то из глубины вырвалось: **נס גדול היה פה!** (Чудо великое свершилось здесь!) Дальше уже пошло легко... Затем переезд со Свитком в отдельном купе в Петрозаводск, первая служба в помещении Шалом, первое чтение Свитка Торы. А затем – становление религиозной общины, которой в этом году исполняется десять лет. И сейчас уже можно сказать – община состоялась!

В этот период, для того, чтобы освоить какие-то азы ведения службы, получить элементарные понятия о структуре молитвы, ее смысле, меня пригласили в иешиву Санкт-Петербурга на десять дней. В общегититии молодые иешиботники встретили меня слегка настороженно – слишком уж большая у нас была разница в возрасте. Зная, что теперь необходимо соблюдать кашрут, я взял с собой только хлеб и килограмм сыра. Когда на кухне я достал сыр, ребята, боясь, что я его положу на стол, схватили меня за руку, и сказали, что сыр некашерный.

– Ну, и что мне с ним делать?

– Выбросить.

Я вышел во двор, и мусорный бак пополнился отличным свежим сыром, надеюсь, хоть, на радость местным мышам. Мой поступок оценили (не мыши, а иешиботники), и на протяжении моей учебы у нас установились дружеские отношения.

Придя в иешиву, которая располагалась в синагоге, я увидел на стене известный портрет Седьмого любавичского ребе и надпись «Вот – Машиах!» Мне это показалось уж слишком, и я высказал свое мнение на этот счет ребу Хаиму Толочинскому, ректору иешивы. Он спокойно ответил, что мне необходимо много учиться, для того, чтобы судить об этом. Я не обиделся и сел за стол. Педагогом моим оказался Шмуэль Соминский, талантливый молодой ребе, которому я бесконечно благодарен за полученные знания, за участие.

В перерыве мы вышли на лестничную клетку, разговорились. Оказалось, что сегодня приезжает из Москвы известный моэль для того, чтобы провести обряд брит мила, недавно родившемуся младенцу, на который собирается почти весь еврейский Петербург.

– А можно и мне заодно сделать брит милу? – спросил я.

Шмуэль закашлялся дымом сигареты, удивленно посмотрел на меня, потом радостно воскликнул:

– Конечно! Вот здорово! В моей практике не было, чтоб в таком возрасте!.. Да мы закатим грандиозный праздник!

Он убежал в класс, затем вернулся и спросил, как зовут мою маму.

– Тамара.

– Так Вы...

– Как бы, и не еврей. Но для этого я и хочу...

– Нет, так сразу нельзя, надо пройти гиюр, – он сник, мне его даже стало жалко.

Мой праздник не состоялся.

На одном из семинаров в институте Штейнзальца в Москве, участие в которых считаю за великую честь, оказанную мне, выделялся весьма колоритный раввин из Одессы по имени Велвл. Весь его облик напоминал карикатуру со страницы какой-нибудь советской газеты, клеймящей сионистов, хотя он был общительным, и даже по-своему обаятельным. Он громогласно заявлял, что настоящих евреев сейчас нет, они остались только в Одессе, да и то только в его синагоге. На соседней улице евреи уже не те. В Киеве, правда, есть еще горстка, которую можно назвать евреями, но дальше – уже тьма. Про Москву и говорить нечего! Когда ему сказали, что здесь собрались евреи со всего бывшего Союза, он стал подходить к каждому и выяснять, кто откуда, и почему они считают себя евреями. Подошел и ко мне. Когда я пытался объяснить, что Петрозаводск находится севернее Петербурга, он протянул:

– Сеевернее?! – неопределенно, куда-то в сторону махнул рукой и отошел на полуслове.

Надо было начинать Субботнюю службу, и раввины обсуждали, кого первым вызвать к Торе. Традиционно сначала приглашают кофенов, которых, обычно, в зале нет, затем левитов, с которыми тоже проблема, а затем самого уважаемого из присутствующих, или кого хотят отметить. Рав Штейнзальц предложил вызвать американца, который спонсировал этот семинар.

– Американца?! – Велвл замахал руками, и казалось, что их у него очень много, – да это еще хуже, чем Петрозаводск!!!

(Может быть, он не так уж и не прав.

Дело в том, что когда в Петрозаводск приезжала моя дочь, жившая в то время в Израиле, где прошла гиюр, она посещала нашу синагогу. После каждого посещения она ругала меня, говорила, что то не так, это не так, и вообще... Затем она уехала в Штаты. Через некоторое время звонит:

– Папочка, извини, все свои слова, сказанные в адрес твоей синагоги, я беру обратно. Да твоя синагога – это Храм! И не Первый или Второй, а уже Третий в сравнении с американскими!..)

Но ситуация разрешилась самым неожиданным образом. Когда дошли до чтения Торы, габай спросил, есть ли здесь кофены, и по привычке, не останавливаясь, уже хотел спросить о левитах, как раздалось тихое «есть». От неожиданности все вздрогнули и

посмотрели в сторону рыжеватого невысокого совсем еще молодого человека, бедно одетого, на которого на семинаре до этого не обращали внимания.

– Вы точно знаете, что происходите из рода коhenов?

– Да. Это – семейная традиция.

Его пригласили к Торе, он прочитал благословение, взял из рук опешившего бааль коре (читающего Тору) указку и стал читать сам. Да как читать! Все раввины сгрудились у бимы.

На киддуше он уже сидел во главе стола, рядом с раввом Штейнзальцем, который сам накладывал ему на тарелку. Концепция Велвля потерпела крах, но он сиял от счастья.

Однажды, перебирая бумаги синагоги, эскизы оборудования синагоги: Арон Кодеша, бимы, книжных и навесных шкафов – все это изготавливалось в Петрозаводске, я с удивлением обратил внимание на один из них. Это эскиз Скрижалей Завета для дверей Арон Кодеша. Дело в том, что все эскизы, перед сдачей в производство должны быть подписаны заказчиком, чтобы исключить в дальнейшем недоразумения в случае неточного выполнения. И вот на эскизе Скрижалей Завета, на которых вырезаны Десять Заповедей, написанных Вс-вышним, да будет Имя Его благословенно, и врученных Моисею на горе Синай, тех Заповедей, которые стали этической основой современной западной цивилизации, которые звучат во всех уголках мира на всех возможных языках, внизу размашисто написано: **ТЕКСТ СОГЛАСОВАН. ЦВИБЕЛЬ.**

Благодарность за сотрудничество

Данная книга является плодом десятилетней дружбы христиан Тюбингена и еврейской общины Петрозаводска/Россия. Д-р Ойген Шмид, обербургомистр Тюбингена, в настоящее время на пенсии, и Данкварт-Пауль Целлер написали свои очерки специально для этой книги. Университетский город Тюбинген дал согласие на перепечатку приветственного обращения Бригитты Русс-Шерер. Давид Генделев и Дмитрий Цвибель дали разрешение на перепечатку своих текстов, опубликованных ранее по-русски. Юлита Хуф перевела русские тексты на немецкий язык. Д-р Розмари Лоренц набрала текст Давида Генделева «История евреев Петрозаводска» на компьютере и выполнила правку. Рабочая группа «Встречи с еврейской общиной Петрозаводска» обсудила концепцию книги и внесла важные советы. Общинный совет общины им. Дитриха Бонхёффера предоставил аванс на рабочие затраты. Гарри Вассман выразил готовность напечатать книгу в Теологическом издательстве Тюбингена, типография Мюллер&Басс обеспечила печать.

Все эти люди способствовали удаче проекта. Всем им я выношу искреннюю благодарность.

Михаэль Фолькман, составитель

Тюбинген, 15 июня 2007 г.

Публикации:

М. Фолькман. Хроника наших отношений в период 1996 – 2007 г.г.

Впервые опубликована и дополняется на сайте общины им. Дитриха Бонхёффера, Тюбинген: www.bonhoeffer-gemeinde.de.

Б. Русс-Шерер. Приветственное обращение к еврейской общине в связи с ее десятилетием. В русском переводе опубликовано в «Общинном вестнике» еврейской общины Петрозаводска, № 98, сентябрь 2006.

Д. Цвибель. Атмосфера любви (Статья о поездке в Тюбинген в 1999 г.).

В русском оригинале опубликовано в «Общинном вестнике» еврейской общины Петрозаводска, август 1999; затем в серии «Библиотечка газеты 'Общинный вестник'», Петрозаводск, 2001.

М. Фолькман. Межконфессиональный Круглый стол в Петрозаводске – инициатива евреев.

Под заголовком «Еврейская община Петрозаводска выдвинули инициативу проведения Межконфессионального Круглого стола» опубликовано первоначально в журнале «Евангелическая церковь в городе», Тюбинген, весна 2007.

А. Генделев. Из истории еврейской общины Петрозаводска.

Напечатано в серии: «Библиотечка газеты 'Общинный вестник'» еврейской общины Петрозаводска, 2002.

Д. Цвибель. Мой еврейский вопрос.

Опубликовано в серии: «Библиотечка газеты 'Общинный вестник'» еврейской общины Петрозаводска, 2006.

Д. Цвибель. Горький дым холокоста.

Доклад в Общинном доме общины им. Дитриха Бонхёффера, 13 июля 1999.

Опубликован в серии: «Библиотечка газеты 'Общинный вестник'» еврейской общины Петрозаводска, 2001.